

A movie poster featuring two men in top hats. The man on the left is wearing a light-colored suit and a white top hat, looking directly at the camera with a neutral expression. The man on the right is wearing a dark suit and a black top hat, looking slightly to the left with a serious expression. The background is dark and moody. The title is written in large, red, hand-painted letters across the center.

ТУМАН
В КРОВАВОМ
ПЕРЕУЛКЕ

Кассиан Норвейн

18+

Кассиан Норвейн

Туман в кровавом переулке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72390574

SelfPub; 2025

Аннотация

Лондон, начало XX века.

Священник Эдмунд Вейл прибывает в Йорк, как изгнанник – его отправляют в ссылку после того, как он слишком много узнал о тенях Церкви. Он не ищет приключений. Но когда богатую вдову находят мертвой в колокольне, с вырезанным сердцем, Эдмунд не может отвернуться. Это не самоубийство – и он знает это лучше всех.

Его единственный союзник – доктор Освальд Гримсби, странный и холодный эксперт, чьи глаза видят то, что другим недоступно. Вместе они раскрывают серию жестоких убийств, связанных с древним символом – змеей, пожирающей собственный хвост. Каждая жертва – ключ. Каждый след – часть ритуала. А в тени – тайное общество, что верит: мир спасёт только кровь.

Но чем глубже Эдмунд копает, тем яснее становится: его присутствие здесь – не случайность. Тайные силы уже давно знают о нем.

Содержание

Глава 1. Туманный Йорк	4
Глава 2. Лунная Леди	48
Глава 3. След тайного общества	82
Конец ознакомительного фрагмента.	88

Кассиан Норвейн

Туман в кровавом переулке

Глава 1. Туманный Йорк

– Да как вы смеете произносить подобное! Прочь! Немедля прочь! – гнев архиепископа был столь силён, что, казалось, даже каменные своды дрогнули от его голоса. Его лицо, обрамлённое седыми кудрями, налившееся багрянцем, напоминало в ту минуту не строгого пастыря, но рассерженного старика, едва способного держать себя в руках. Под тяжёлыми веками блестели глаза, в которых не оставалось ни капли милосердия, а складки на его подбородке дрожали от ярости.

Я стоял перед ним, высокий и худой, с сутаной, чёрной, как сама ночь, ниспадавшей до пола. Волосы мои, тёмные, но уже тронутые серебром у висков, были зачёсаны назад; на бледном лице, измождённом молитвами и бессонными ночами, выделялись глаза – глубоко посаженные, чёрные, как колодцы, в коих отражалась не вера, но усталость от истины. На груди моей висел крест с семью звёздами, его холод особенно жёг кожу.

– Как будет угодно вашему преосвященству, – произнёс я, склонив голову.

Я развернулся и пошёл прочь. Тяжёлые двери зала Святого Августина захлопнулись за моей спиной с гулом, напоминавшим больше удар молота по гробовой крышке, нежели окончание собрания. В полумраке коридора меня встретил холодный воздух, пропитанный воском и сыростью. Витражи, окрашенные закатным светом, представлялись мне искажёнными лицами святых, глядевших на меня с укором.

У выхода стоял молодой секретарь, строгий и бледный, с безупречно выбритым лицом. В руках его находился конверт с печатью, красной, как кровь.

– Отец Вейл, – сказал он с холодной учтивостью, – решением Высокого церковного суда вы освобождаетесь от служения в Лондоне и отныне назначаетесь в город Йорк.

Я не сразу протянул руку. В словах его слышался холод приговора.

– Изгнание, – произнёс я.

– Назначение, – поправил он, но глаза его невольно выдали истину.

Я взял письмо и спрятал его в складках сутаны. Крест с семью звёздами, висящий на моей груди, показался в тот миг тяжелее свинца. Я ощущал его каждой клеточкой своего тела.

Когда я вышел на улицу, Лондон встретил меня своим привычным шумом: звон колокольчиков трамваев, крики газетчиков, топот копыт и гул моторов. Люди спешили по делам, не подозревая, что один из священников их города толь-

ко что был предан суду собственной Церковью. И всё же я почувствовал то, чего они не могли ощутить: внезапный холод, пробежавший вдоль улицы, и запах гнили, тонкий, но несомненный. Я остановился и всмотрелся в толпу. Лица прохожих были заняты житейскими заботами, но за ними, в тени, я уже различал иное присутствие.

Дом мой был столь же непритязателен, сколь и чужд теплу. Небольшая постройка в два окна, притулившаяся у серой каменной стены, не имела в себе ничего примечательного; его можно было принять за домик приходского сторожа или учителя. Когда я открыл дверь, мне навстречу пахло застоявшимся воздухом, смесью холодного угля, свечного воска и старых книг, переполненных пылью.

Я прошёл в комнату. Всё здесь напоминало не жилище, а временное пристанище. На столе лежали раскрытые книги – Евангелие на латыни, сборник псалмов и два тома, которые Церковь сочла бы неблагонадёжными: «Ключ Соломона» и потрёпанное немецкое издание о демонах Верхней Саксонии. Чернильница покрылась коркой, перо засохло в ней, словно свидетель, которому запечатали уста.

На узкой кровати, застланной шерстяным одеялом, висел мой плащ – старый, с заплатой на локте, пропитанный дождями фронта и запахом дыма. Под кроватью стояла кожаная сумка, настолько ветхая, что казалась ровесницей мне самому.

Я стал собирать вещи без промедления. Пара рубашек,

шерстяные носки, немного белья, книга молитв и старый нож, подаренный офицером ещё под Ипром. Всё это поместилось в сумку, словно напоминание: человеческая жизнь может улесться в одно хлипкое вместилище. Двадцати минут оказалось достаточно, чтобы стереть следы моего пребывания здесь.

Подошёл к шкафу. На верхней полке стояла бутылка виски – единственное, к чему я питал слабость. Янтарная жидкость светилась в полутьме, словно дразнила. Я обхватил бутылку рукой, но отпустил: паровоз отправлялся через два часа, а потому времени на прощальный глоток не оставалось. Всё во мне взывало к этому утешению, но судьба, как всегда, распорядилась иначе.

Конверт, что дал мне секретарь, лежал в кармане сутаны и жёг, словно раскалённое железо. Я достал его вновь, провёл пальцем по сургучной печати и, не вскрывая, сунул обратно. Знал я и без того: в нём не слова утешения, но лишь распоряжение канцелярии – сухое, как сама бумага.

Оглядел комнату. Стены, не видевшие живого огня, серели в полумраке. Стол с книгами выглядел заброшенным, словно хозяин давно умер. Даже кресло у окна, где я бывало читал, утратило всякий облик уюта. Я понимал: этот домик не запомнит меня, как не запомнил и тех, кто жил в нём прежде.

Накинув плащ, я взял сумку, задержался у двери и, обернувшись, ещё раз взглянул на полку с виски, на книги, на

кресло. Всё казалось частью чужой жизни. Я закрыл за собой дверь, и звук этот прозвучал окончательнее, чем слова архиепископа.

Я добрался до вокзала без задержек: извозчик, ловко лавируя меж автомобилям и повозок, привёз меня к величественному фасаду, подсвеченному газовыми фонарями. Здание вокзала стояло, как храм железных дорог: колонны, витражи, каменные львы у входа. Вечерний Лондон кипел жизнью – на тротуарах суетились прохожие, мальчишки размахивали свежими газетами, торговцы орехами и жареным каштаном наполняли воздух сладковатым дымком. Я шёл мимо, не обращая внимания: суета чужой радости и забот мне была ни к чему.

Под арками вокзала царствовал иной шум – металлический, тяжёлый. Далёкий стук колёс отзывался в сводах, паровые облака клубились в воздухе, и запах угля смешивался с острым привкусом смазки. Люди толпились у расписаний: дамы в широкополых шляпах и мехах, джентльмены с тростями и в перчатках, солдаты в отставке, торговцы, студенты – всякий, кому предстоял путь. Их голоса сливались в единый рой, а над всем этим разносился свист паровозов. Мой ещё не подали, и оставалось время на раздумье. Я прислонился к колонне, положив сумку у ног, и позволил мыслям обратиться к городу, куда меня сослали. Йорк.

Я знал о нём немало. Город древний, и в том его отличие от южных столиц. Здесь, говорили, прошлое не уходит, но живёт рядом с настоящим. На узких улочках, что изгибаются так круто, будто сами тени их начертали, стены домов сближаются так близко, что солнце едва проникает. Вечерами там можно слышать шаги, хотя улица пуста; и нет человека, прожившего в Йорке достаточно долго, который не поведал бы о привидениях.

Йоркский Минстер возвышался над всем – собор столь громадный и величественный, что даже Лондонский мог бы позавидовать. Но величие то скрывало под собой иное: катакомбы, римские останки, алтари языческих богов. Я слышал рассказы о жертвоприношениях, о тайных ходах, ведущих в чёрные недра земли. И ещё – о звоне колоколов, звучащем в ночи, когда никто их не касался.

Знал и о стенах – древних, римских, где стража патрулировала века назад. Теперь же по ним гуляют влюблённые и нищие, но мне чудилось, что камень хранит память о крови и войне. Йорк, говорили, город беспокойных душ. Город, где мёртвые не спешат покидать землю. Город, куда Церковь отправила меня как в ссылку.

Я посмотрел на часы: до отправления оставалось около сорока минут. Пар над рельсами клубился гуще, и мне чудилось, что в нём, меж теней и лиц прохожих, я различаю силуэты иных существ – тех, что прячутся за суетой человеческой жизни.

Постепенно шум вокзала усилился: громкий свист паровоза, удар колёс о рельсы, гул пара и запах горящего угля – всё это предвещало прибытие моего транспорта. Люди зашумели, перешёптываясь, подталкивая друг друга к платформе, и я, всё ещё держа сумку у ноги, позволил взгляду скользнуть по толпе.

Первым зацепил взгляд мужчина в цилиндре, казавшийся слишком высоким, слишком узким в плечах, и совсем неестественно прямым, как будто костяк под одеждой был не совсем человеческим. Цилиндр его был странной формы – высокий, с завитым краем, словно отлитый из бронзы, и слегка кривой. В руках мужчина держал трость с резной рукоятью, украшенной образом змеи, пожирающей собственный хвост – Уроборос. Пальцы его казались слишком длинными, почти изящными, как у артиста на сцене, и казалось, что каждый шаг контролируется не полностью телом, а какой-то внутренней, незримой волей.

Он не спешил, не оглядывался по сторонам, а медленно проходил вдоль платформы, внимательно наблюдая за прибывающими пассажирами. Что-то в его походке и осанке вызывало одновременно интерес и тревогу: он не был похож на обычного пассажира, а больше на того, кто следит, оценивает и знает о людях больше, чем они сами.

Я пристально следил за ним, понимая, что взгляд его, каким бы странным и холодным он ни казался, как будто находил во мне что-то знакомое. Серебристые блики парово-

го облака играли на цилиндре и трости, создавая ощущение, что этот человек не принадлежит ни к этой эпохе, ни к этому месту.

Поезд ещё не подошёл, но все мои мысли уже стали обращаться к нему. Кто он? Чего ищет? И почему, когда я смотрю на него, мне кажется, что этот человек уже что-то знает обо мне – что-то, чего не знает никто другой.

Я занял место у окна, устроился так, чтобы сумка с вещами не мешала ногам, и всмотрелся в платформу, что постепенно отодвигалась назад. Внутри купе пахло смесью угля, смазки и старого дерева; кресла были обиты потёртой зелёной тканью, которая, казалось, пропитывалась памятью сотен пассажиров, оставивших здесь свои шаги и взгляды.

Скрип колес, ударяющихся о рельсы, сочетался с ритмичным свистом паровоза. Он, наконец, тронулся, и каждый толчок передавался через тело, через сумку, через крест на груди, словно сама дорога хотела напомнить, что путь мой – не просто перемещение по стране, а движение к неизведанному.

Вагон заполнялся звуками: тихие разговоры, приглушённый смех, шорох пальто и тростей; дамы, погружённые в шаль и шляпу, шептались о своих делах; джентльмены периодически бросали взгляды на таблички с номерами вагонов. Всё это казалось обычной сценой. Я снова вспомнил мужчину в цилиндре. Его исчезновение с платформы не принесло облегчения; напротив, пустота оставалась столь же тревож-

ной, словно он растворился в воздухе, но всё ещё следил за мной. Я всматривался в дым и мерцающий свет фонарей, пытаюсь выхватить его силуэт среди пассажиров, но тщетно. Только блеск трости с Уроборосом мелькнул в памяти, оставив чувство, что опасность неотвратима.

За окном ночь медленно опускалась на улицы Лондона, смешиваясь с туманом, клубящимся между железными рельсами и кирпичными строениями. Свет фонарей растягивался в полосы, здания превращались в тёмные силуэты, а люди, казавшиеся громкими и живыми на платформе, уходили в тень. Я чувствовал, как город оставляет меня, а вместе с ним – привычную безопасность.

Я скользнул взглядом по купе: пустые места, вещи пассажиров, сумки, газетные свитки, перчатки, шляпы – всё это словно ожидало чужого взгляда, чтобы ожить. И хотя физически я был один, мне казалось, что кто-то или что-то уже путешествует со мной. Словно Йорк, древний и непредсказуемый, начинал тянуть меня своими темными нитями ещё до того, как я туда прибыл. Я опустил взгляд на крест с семью звёздами. Холод металла пробежал по руке. Это не просто путь в изгнание – это начало нового испытания.

Поезд остановился с дребезжащим ударом, пар вырвался из цилиндров, окутывая платформу дымкой, и дверь вагона распахнулась с тяжёлым скрипом. Я шагнул наружу, холод

сразу ударил в лицо, будто город сам решил встретить меня ледяным кулаком. Начало октября в Англии всегда было прохладным, но утренний воздух Йорка казался невыносимо колючим: влажный, сырой, пропитанный смесью тумана и тлеющего угля.

Туман лежал тяжёлым покрывалом. Он свисал с крыш, стелился по мостовым, сгущался в узких переулках. Дома, едва угадываемые сквозь серую мглу, казались существами: каменные стены, высокие окна, черепичные крыши – всё сливалось в призрачные силуэты, в которых угадывались фигуры давно ушедших эпох.

Я сделал шаг на мокрую булыжную мостовую, скрип гвоздей под сапогами отзывался эхом, растягиваясь в тишине, будто повторяя мои мысли. Ветер подхватывал туман и швырял его на лицо, я почувствовал, как капли влаги стекают по вороту плаща. Лёгкий запах сырости, мокрой листвы и старого камня заполнил ноздри; к нему примешивался привкус угольного дыма, который город удерживал ещё с ночных костров и печей.

Каждый звук был отчетлив и чужд: капля, падающая с крыши, скрип дверей, едва слышимый топот – и всё это обретало странную остроту. Я знал: Йорк стар, и в его стенах хранится память о кровавых ритуалах римлян, о тайнах норманнских дворян, о шепотах мертвых, что не желают покидать эту бrenную землю.

Я шагнул дальше, держась ближе к стенам, стараясь не

привлекать внимания. Брусчатка была мокрой, неровной, местами покрытой мхом, и каждый шаг отдавался в суставах. Туман, казалось, плотнее обволакивал меня с каждым метром, словно хотел скрыть город и меня одновременно, превратить всё вокруг в серый призрачный мир.

И всё же, несмотря на молчание, я ощущал присутствие чужого взгляда, скрытого в дымке и серых тенях. Оно было тихим, почти незаметным, но неуловимо тревожным. Я сделал ещё один шаг, сумка тяжело скользнула по мостовой, Йорк встречает меня холодом, туманом и тишиной, в которой прячется то, что я искал всю жизнь: тайна Церкви, которая от меня отвергла.

Идти дальше у меня уже не было сил. Всего десять минут от вокзала, а ноги будто стали свинцом, каждый шаг отдавался в суставах и позвоночнике. Туман, что висел плотной серой стеной, не оставлял ни одного ориентира: улицы терялись в дымке, а здания казались безжизненными призраками.

Я поймал повозку, что медленно скользила по мокрой мостовой, и подошёл к кучеру. Здесь, в Йорке, их оказалось куда больше, чем в Лондоне – маленькие экипажи, гружёные товарами или пассажирами, с гулкими колёсами, скрипевшими по булыжнику, создавали ощущение жизни, хоть и тихой.

– Подбросите до церкви Святого Креста? – спросил я, садясь в экипаж.

Кучер, высокий мужчина с морщинистым лицом, повернул голову и посмотрел на меня с любопытством, прищурился глаза под широкополой шляпой.

– Неужели вы новый священник? – произнёс он с лёгкой ноткой скепсиса.

Я кивнул одобрительно. Кучер нахмурил брови и повернул взгляд к дороге, словно сомнение висело в воздухе:

– Тогда будьте осторожны. Тут, в Йорке, не всё так просто, как кажется.

Я промолчал, не задавая вопросов. Его слова прозвучали как предупреждение, холодное и вязкое. Устроился поудобнее, ощутив, как повозка скрипит и покачивается. Йорк двигался вместе со мной: старый, молчаливый, погружённый в свой туман и тайны.

Повозка продолжала скрипеть по дороге, покачиваясь, я держался за борт, чтобы не потерять равновесие. Чем ближе мы подъезжали к церкви Святого Креста, тем гуще становился туман, скрывая дома и улицы, оставляя лишь силуэт высокого шпиля, который казался стрелой, вонзающейся в серое небо.

Церковь стояла в самом сердце Йорка, окружённая мощёными площадями и старинными зданиями с высокими крышами. Каменные стены выглядели выветренными и потрепанными веками, а трещины и сколы на углах казались шепотом истории. Витражи окон тускло отражали утренний свет, превращая его в сероватое мерцание. Дверь массивная

и тяжелая, словно сама проверяла, кто осмелится переступить порог.

Кучер остановил повозку у подножия лестницы. Я вышел, ощущая, как ноги дрожат от усталости. Город молчал, а туман все также стелился между домами.

– Здесь так тихо... слишком тихо, – прошептал я, оглядываясь по сторонам. Площадь была пуста, лишь редкие силуэты прохожих скользили между туманными пятнами фонарей.

Кучер кивнул и молча уехал, оставив меня одного. Я подошёл к дверям, прикоснулся к холодной ручке, и почувствовал напряжение, почти вибрацию в воздухе. Церковь, центр города и одновременно остров тишины, словно ждала новые лица.

Войдя внутрь, я ощутил знакомый запах воска, старого дерева и лёгкой гнили икон. Мой взгляд скользнул по алтарю и тёмным углам.

Я медленно продвигался по тесной молельне, осматриваясь. Здесь не было величия лондонской церкви: потолки были низкими, стены серыми и слегка потрескавшимися. Узкие окна едва пропускали свет, превращая помещение в полутёмную серую нишу. Скамьи стояли тесно, на полу кое-где виднелись царапины и пятна старой смолы, а резной алтарь, хоть и аккуратно обработанный, казался скромным и усталым.

Маленькая дверца в углу с тихим скрипом распахнулась,

из неё вышла женщина. Объемные формы, на вид около сорока лет, с мягким лицом, но с глазами, в которых пряталась редкая внимательность. Лоб её слегка обвисал от времени, а тёплые морщинки у глаз и уголков рта делали выражение дружелюбным и живым. Щёки были круглые, слегка румяные, подбородок – мягкий, но уверенный, а улыбка – широкая, почти светлая, сразу создающая впечатление доверия. Волосы, тёмные с серебристыми прядями, собраны в аккуратный узел на затылке, несколько свободных локонов мягко обрамляли лицо. Одежда дьякона, хотя и велика для её фигуры, но сидела визуально удобно: длинные рукава свисали, подол ниспадал неровной линией, ткань – выцветшая и слегка потертая, с едва заметными пятнами. На груди висел небольшой крест, скромный, но аккуратно отполированный, словно символ её роли и преданности.

Она двигалась уверенно, плавно, каждый шаг был продуман: слегка покачивались плечи, руки держались спокойно, ладони время от времени касались подола, как бы контролируя длину и плавность ткани. Голос ровный, мягкий, с лёгкой теплой вибрацией, и когда она заговорила, приветствуя меня, казалось, что сама комната немного смягчилась, наполнилась теплом.

– Доброе утро, викарий Вейн! – сказала она, слегка кланяясь. – Мы так ждали вашего прибытия!

– Приветствую мисс... – замялся я.

– Марджори Паркс, – помогла она мне.

– Мисс Паркс, зовите меня просто отец Эдмунд, – я постарался сделать более ласковую и дружелюбную улыбку.

– Что вы, что вы! – воскликнула она, – как я могу так обращаться к викарию. О! Точно, вас же ждет епископ! Я провожу вас.

Её взгляд блестел, не просто проявляя радость, но и интерес к тому, что я принёс с собой. Она была бы незаметной среди толпы, если бы не внимательность, с которой фиксировала каждый мой жест, каждое движение. В ней было что-то одновременно обычное и... странно настороженное.

Я шёл за ней, стараясь не споткнуться о скрипучие половицы. Каждое её движение было выверено: она шла медленно, держась чуть впереди, словно знающая каждый изгиб коридора и каждый скрип двери. Её пухлые руки аккуратно прижимали к груди длинный подол дьяконской одежды, создавая впечатление, что она одновременно и заботится о порядке, и о себе.

Кабинет епископа находился в одном из дальних углов церкви, через узкий коридор с низкими сводами и тусклыми витражами, из которых свет падал редкими полосами. Тёмный, пахнувший деревом и старой бумагой, коридор казался длиннее, чем был на самом деле, и каждый скрип пола отзывался эхом.

– Вот мы почти на месте, викарий, – проговорила она, слегка наклонив голову и улыбнувшись, – епископ ждёт вас.

Я кивнул, следя за её шагами, отмечая каждую деталь: ак-

куратно уложенные волосы, мягкие движения плеч, внимательный взгляд, который, казалось, охватывал не только меня, но и пространство вокруг.

Я слегка постучал в дверь и, услышав тихое «войдите», осторожно вошёл. За массивным дубовым столом сидел епископ. Мужчина был высокого роста, плечистый, с выраженной осанкой, которая выдавала долгие годы службы и привычку держать власть над собеседником даже молча. Лицо длинное, с острыми скулами и тонкими губами, плотно сжатыми, словно он всегда что-то выжидал и анализировал. Глаза – серо-голубые, холодные, внимательно следили за бумагами, скользя по ним быстрыми, почти хищными движениями. Взгляд умелый, строгий, способный одновременно разглядеть правду и скрытую ложь. Лоб высокий, с морщинами, образовавшимися от постоянного напряжения и забот, а волосы, уже редеющие, тщательно уложены назад.

Епископ был облачен в традиционное пурпурное одеяние с золотыми вышивками, плотно облегающее фигуру, с длинными рукавами, доходившими почти до кистей. На груди висел большой золотой крест на тяжёлой цепи, сияющий даже в тусклом свете лампы, и казалось, что он подчёркивает власть и статус владельца.

Его пальцы, тонкие и длинные, умело перебирали бумаги, но при этом каждое движение казалось рассчитанным, словно в них скрывалась привычка держать контроль над ситуацией, даже в мелочах.

Уловил лёгкое давление его взгляда, когда он поднял голову и посмотрел на меня из-за очков с тонкой золотой оправой. В нём ощущалась смесь строгости, усталости и скрытой пронизательности – как будто он видел не только мой облик, но и то, что я пытаюсь скрыть.

Я опустился перед столом, держа спину прямо, словно инстинктивно ощущал необходимость не показывать усталости. Епископ, не спеша, отложил бумаги в сторону, поправил очки и посмотрел на меня с оценивающей строгостью.

– Викарий Вейн, – сказал он ровно, голосом, в котором слышалась власть и привычка, что каждый его тон воспринимается как приказ. – Лондон значит отправил вас сюда... в Йорк. Город спокойный, но не лишён своих... особенностей.

Я кивнул, молча принимая слова, ощущая, как каждое его движение за столом – будь то лёгкий поворот руки или перебирательное движение пальцев – словно проверяет меня на прочность.

– Мисс Паркс единственная живая душа здесь, помимо нас, – продолжал он, слегка нахмутив брови. – Надеюсь, вы понимаете, что прихожане здесь... осторожны и своеобразны.

Я позволил себе короткий взгляд по кабинету, на аккуратно расставленные книги и бумаги, и вернулся к его глазам.

– Я понимаю, ваше преосвященство, – сказал я ровно, сдержанно. – Работы будет много и мне это по нраву.

Епископ приподнял одну бровь, чуть прищурившись, и

я почувствовал, как напряжение в комнате усиливается. Он внимательно изучал меня, словно пытаясь взвесить, насколько далеко я готов пойти.

– А вы смелее, чем кажетесь... – тихо, почти шёпотом, произнёс он, но тон был холодным, сквозило предупреждение. – За четыре месяца от нас сбежали аж шесть таких же молодых джентльменов как вы.

Епископ положил очки на стол, сложил руки и, не отрывая взгляда, словно приглашая меня на молчаливую дуэль:

– Надеюсь ваши навыки и правда такие удивительные, как говорят.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые и точные, как удар молотка по наковальне. Я понимал: Йорк будет испытывать меня на каждом шагу. И чем дольше я здесь остаюсь, тем осторожнее нужно себя вести, не вызывая лишние подозрения.

Новый дом оказался куда больше, чем я ожидал. Добротный, с резными ставнями, каменными колоннами у входа и тяжёлой дверью, которая закрывалась с глухим, властным стуком. Никогда прежде я не жил в подобных апартаментах – мой лондонский уголок с облезлыми обоями и скрипучим полом выглядел бы здесь почти нищенским.

Внутри меня встретил полумрак и запах старого дерева, смешанный с ароматом воска и угля в камине. Широкий холл, ковры на полу, старинные часы с маятником, мерно от-

считывающим время – всё это казалось мне чужим, как будто я вошёл в чужую жизнь, которую кто-то по ошибке доверил мне.

У порога меня встретила женщина средних лет, строгого, собранного вида. Её фигура была слегка полновата, но в движениях чувствовалась точность и дисциплина. Лицо круглое, с мягкими чертами, но взгляд серых глаз – холодно-пристальный, изучающий. Волосы, когда-то, вероятно, каштановые, были убраны в аккуратный пучок, а на ней было простое тёмное платье до щиколоток и белый передник без единой складки.

Она чуть склонила голову, сложив руки перед собой.

– Добро пожаловать, отец Эдмунд Вейл, – сказала она низким, уверенным голосом. – Я миссис Хадли, экономка вашего дома. Прислуга будет в вашем распоряжении круглые сутки.

Я замер на мгновение, поражённый самим фактом: «прислуга в моём распоряжении». Никогда прежде подобные слова не звучали в мой адрес. Было в этом что-то нелепое, как будто я сам носил чужую маску, слишком большую для моего лица.

– Благодарю, миссис Хадли, – произнёс я, пытаюсь сохранить спокойствие и привычную сдержанность. – Для меня... это новое обстоятельство.

– Мы к вашим услугам, святой, – ответила она, и в её голосе слышалось не столько почтение, сколько строгая уве-

ренность в том, что порядок в этом доме будет соблюдаться независимо от моей воли.

– Прошу, зовите меня просто Эдмунд, – проговорил я, ожидая ее отказа.

– Как скажите, сэр Эдмунд, – улыбнувшись ответила она. Мисс Хадли жестом пригласила меня следовать за ней, и мы прошли внутрь: по лестнице вверх вели ковровые дорожки, двери по обе стороны скрывали комнаты, наполненные тишиной и запахом старых книг, полированного дерева и давно хранящихся секретов.

– Начнём с главного этажа, сэр, – сказала она, и её каблук ровно, размеренно стучали по паркету, будто метроном.

Гостиная оказалась первой. Просторная, с высоким потолком, украшенным лепниной. На стенах – тёмно-зелёные обои с золотистым узором, над камином – портрет какого-то важного джентльмена в парадном облачении; вероятно, прежнего хозяина. В камине уже тлели угли, наполняя комнату сухим теплом. Два кожаных кресла и массивный диван образовывали небольшой островок у огня, рядом – низкий столик, на котором стояли шахматы. Казалось, здесь не столько отдыхали, сколько обсуждали серьёзные дела или вели длинные вечера в тишине.

Далее мы перешли в **столовую**. Там господствовал длинный дубовый стол, за которым могло разместиться не меньше десятка гостей. Канделябры на стенах, тяжёлые портьеры на окнах и буфет с посудой из тонкого фарфора подчёр-

кивали, что это место не для повседневной трапезы, а для демонстрации статуса. Я усмехнулся про себя: неужели мне когда-нибудь придётся сидеть здесь во главе стола?

Следующей была **библиотека** – и тут я остановился дольше. Стены от пола до потолка уставлены шкафами, в которых рядами стояли книги в кожаных переплётках. Запах пыли и старой бумаги окутывал помещение особой тишиной, словно даже шаги здесь звучали мягче. В центре – письменный стол с чернильницей и лампой под зелёным абажуром, а возле окна – широкое кресло, где, вероятно, можно было часами читать. Эта комната была первой, что показалась мне близкой.

Затем мы поднялись по лестнице.

– Здесь расположены личные покои, сэр, – сказала экономка, открывая дверь в **спальню**.

Комната встретила меня просторностью и холодом: высокая кровать с балдахином, белые простыни, аккуратно заправленные, комод с зеркалом, у окна – кресло с покрывалом. Всё это выглядело так, словно хозяин должен был вот-вот вернуться, хотя на самом деле хозяином теперь считался я.

Рядом находилась **гостевая спальня**, куда, по словам миссис Хадли, можно было разместить приезжих гостей. Там было скромнее: кровать поменьше, пара стульев, шкаф и всё.

Мы прошли дальше – в **кабинет викария**. На столе аккуратно лежали канцелярские принадлежности, чернильница,

стопка бумаги. Окно выходило на церковный двор, и я сразу понял, что именно здесь мне предстоит проводить большую часть времени, обдумывая проповеди и отчёты.

Наконец, мы заглянули в **маленькую часовню**, устроенную прямо в доме. Там было узкое окно с витражом, простая скамья и небольшой алтарь. Экономка пояснила, что здесь молились те, кто не мог посетить главную церковь.

Спустившись снова вниз, мы прошли мимо **кухонных помещений**. Там уже хлопотала прислуга: повариха, молодая горничная, мальчишка-разносчик. Запах свежее испечённого хлеба пробрался в нос, и в этот миг я осознал, что весь этот дом – живой организм, в котором каждое существо знает своё место. Кроме меня.

Миссис Хадли остановилась и, сложив руки, сказала:

– Вот и всё, сэр. Ваш дом теперь в полном вашем распоряжении. Мы будем следить за порядком. Если вам что-то потребуется – достаточно сказать мне.

Я кивнул, пытаюсь скрыть смешанное чувство удивления, неловкости и лёгкой тревоги. Всё здесь было чересчур большим, чересчур ухоженным, словно я оказался не в доме, а в тщательно расставленной декорации, где главная роль досталась мне без репетиций.

Время ужина наступило неожиданно быстро. Я ещё не успел толком обжиться в доме, а уже оказался в той самой просторной столовой с дубовым столом, за которым могло разместиться полгорода.

Меня усадили во главе стола – туда, где, несомненно, сидели прежние викарии, возможно, куда более достойные и уверенные, чем я. Огромный зал казался пустым, хотя в нём звучали шаги, звон тарелок и приглушённые голоса прислуги.

Сначала подали густой суп из дичи – ароматный, с лёгким привкусом розмарина. Затем на серебряных блюдах появился запечённый лосось с лимоном и травами, а следом – жаркое из телятины с подливкой, которую лили, словно драгоценный соус, осторожно, капля за каплей. Всё это сопровождалось свежим хлебом, мягким и тёплым, словно только что из печи.

Каждое блюдо выставлялось с почтением, словно я был важной особой. Горничные кланялись едва заметно, но с должной церемонностью. Повариха изредка выглядывала из-за двери, чтобы убедиться, что мне всё угодно. Даже мальчишка-разносчик, едва ли достигший пятнадцати лет, низко склонял голову, подавая графин с водой.

Но чем изысканнее становилась трапеза, тем сильнее я ощущал пустоту. За этим громадным столом сидел только я, и гулкая тишина между звоном приборов казалась невыносимой. Я ловил себя на том, что жую слишком медленно, будто тяну время, или, наоборот, проглатываю куски почти не разжёвывая – лишь бы ускорить этот спектакль.

Я вспомнил свой лондонский угол, где единственной роскошью была бутылка виски, и где трапеза состояла чаще все-

го из хлеба да холодного сыра. Там, по крайней мере, никто не разыгрывал передо мной пьесу почтения.

Когда на стол подали десерт – яблочный пирог с корицей и гвоздикой, сладкий, но с лёгкой горчинкой, – я почувствовал, что сил больше нет. Не от еды, а от навязчивого ощущения: я здесь чужак.

– Благодарю, – тихо произнёс я, откладывая приборы.

Прислуга кивнула почти синхронно и тут же начала убирать со стола, двигаясь так слаженно, словно репетировали этот ужин заранее. Я поднялся, ощущая тяжесть в желудке и в мыслях. В этот вечер стало предельно ясно: не только город, но и сам дом будет испытывать меня на прочность.

Я улёгся в свою новую постель, мягкую до неприличия. Матрас словно поглощал тело, принимая каждую его линию, а простыни пахли свежестью – лёгким ароматом лаванды и мыла. Казалось, будто я оказался не в доме священнослужителя, а в гостинице для богатых путешественников.

Лениво перевернулся на бок, глядя на резной балдахин, уходящий в темноту. Тишина в доме стояла особенная – не городская, с её гулом и шагами, и не монастырская, строгая и звенящая молитвой. Это была тишина больших пустых комнат, где каждый звук отдавался эхом.

Мысли не давали покоя. Прислуга. Я слишком отчётливо видел, как они кланялись мне за ужином, как тщательно старались угодить каждому моему движению. Но это было лишь подобие уважения. Оно обращено не ко мне – к должности,

к мантии, к самому дому.

Я – их новый викарий. Чужак, которого судьба занесла в Йорк. Чтобы выжить здесь, нужно стать своим. Нужно говорить с ними, узнавать их привычки, их истории. Пусть видят во мне не только хозяина, но и человека.

Тут же вспомнилась экономка, мисс Хадли, её быстрый шаг и внимательный взгляд. словно она оценила меня с первого мгновения – и теперь наблюдает, как я впишусь в этот дом. Остальные, более молчаливые, но всё же бросали взгляды: любопытство, смешанное с осторожностью.

Перевернулся на спину, сцепив руки на груди. Впереди была долгая жизнь в этом месте, и я понимал: без их расположения и доверия дни будут невыносимыми. Сон постепенно подкрадывался, но вместе с ним приходило странное ощущение: словно в доме кто-то ещё не спал. Будто за стеной, внизу, по коридорам скользили тихие шаги. Я прислушался – и лишь тяжёлые часы в гостиной пробили половину одиннадцатого. Глубоко вздохнул, решив отогнать лишние мысли. Завтра я начну знакомство. Завтра сделаю первый шаг.

Утро встретило меня проливным дождём. Тяжёлые капли с гулким шёпотом били по окнам, стекали тонкими ручьями, и казалось, сам город утонул в серой завесе. Я быстро перекусил – чай, немного хлеба с маслом и ломоть холодного мя-

са. Всё это показалось каким-то спешным, незначительным – лишь топливо для предстоящего дня.

Натянув тёмное пальто и застегнув его на все пуговицы, я надел чёрные кожаные перчатки. Шляпа с широкими полями скрыла часть лица, оставив лишь подбородок и линию губ, а в руку я взял массивный зонт с деревянной ручкой. На мгновение я выглядел скорее как сыщик, чем как викарий.

Я уже тянулся к дверной ручке, когда за спиной раздался негромкий голос:

– Сэр Эдмунд, – это была мисс Хадли. Она стояла в коридоре, сложив руки на животе, и смотрела на меня с тем самым выражением, в котором смешивались забота и скрытая тревога. – Прошу вас быть осторожным. Город этот... своеобразный. Особенно в такую погоду.

Я слегка нахмурился, но не перебил её.

– Вернитесь непременно к ужину, сэр, – добавила она чуть мягче и, склонив голову, улыбнулась так, будто это была не просьба, а пожелание. – И пусть ваш день будет добрым.

Я кивнул, не находя нужных слов, и всё же в её тоне было нечто, что застряло у меня в мыслях. Осторожным... Почему именно это слово?

Открыв дверь, шагнул на улицу. Влажный воздух ударил в лицо, дождь мгновенно зашуршал по зонту, а мостовая под ногами блестела, словно натёртая чёрным лаком. Город Йорк, ещё вчера загадочный и туманный, теперь встретил меня ливнем, который обещал испытать терпение и силу во-

ли.

Дорога к церкви оказалась короче, чем я ожидал: дождь гнал вперёд, не позволяя задерживаться. Зонт, казалось, вот-вот вывернет наизнанку, и я скорее бежал, чем шёл, слыша под ногами хлюпанье мокрой мостовой и плеск колёс редких повозок.

Когда я, наконец, добрался до храма, сердце облегчённо ёкнуло – знакомые каменные стены и строгие башни вынырнули из дождливой серости, словно единственное убежище во всём городе. Я торопливо вошёл внутрь, громко захлопнув тяжёлую дверь за собой.

Внутри было прохладно и тихо, только отдалённый капель воды с моего пальто нарушал покой. Я снял верхнюю одежду, повесив её на массивный деревянный крючок у входа. Шляпу и перчатки положил рядом. Влажная ткань пальто парила, отдавая запах сырости и улицы, будто сам дождь проник в стены церкви.

И всё же это место дышало чем-то иным – здесь царил неторопливая торжественность. Полутёмные ряды скамей, тусклый свет из узких окон, и алтарь, укрытый белой тканью, словно ждущий служения.

Я подошёл ближе, склонил голову и, опустившись на колени, начал утреннюю молитву. Слова шли тяжело: голос дрожал от холода и усталости, но постепенно дыхание стало ровнее, а мысли – чище. В полумраке церкви мои слова звучали особенно отчётливо, будто стены слушали внимательнее,

чем когда-либо прежде.

На мгновение показалось, что здесь, в этой маленькой йоркской церкви, я ближе к Богу, чем в величественном соборе Лондона. Возможно, из-за тишины, возможно, из-за собственной одиночной фигуры на фоне пустого храма. Я перекрестился, чувствуя, как медленно, но верно приходит некое спокойствие – редкое утро, когда молитва не была лишь долгом, а чем-то большим.

Я перекрестился в последний раз и хотел уже вновь погрузиться в молитву, как дверь распахнулась с резким скрипом, эхом разлетевшимся по пустому храму. Вбежала мисс Паркс – в своём дьяконском облачении, с подолом, сбившимся набок, и лицом, белым, словно мука.

– Святой отец! Святой отец! – её голос дрожал, визгливый и слишком громкий для этих стен. – У нас беда! Идёмте быстрее!

Я медленно поднял голову, неохотно отрываясь от алтаря. Близость к Богу в эти мгновения казалась куда важнее земных хлопот, и раздражение кольнуло меня в сердце. Но Паркс явно не из тех женщин, что станут тревожить по пустякам.

– Что случилось, мисс Паркс? – спросил я, вставая с колен.

Она подошла ближе, тяжело дыша после спешки. Руки её сжались в маленькие комки, глаза округлились, и в них плескался не только страх, но и странное волнение.

– В колокольне... – начала она, запинаясь, – нашли мёртвую... леди Шейлу.

Холод пробежал по спине. Имя это мне было знакомо: богатая вдова, одна из щедрейших жертвователей прихода, накануне я успел изучить некоторых прихожан. Женщина влиятельная, с устоявшейся репутацией в обществе Йорка. И вот теперь – мертва.

Моя рука сама собой легла на грудь, где висел крест. Я почувствовал, как молитвенное тепло, накопленное за утро, сменилось другим – тревогой, гулкой, тяжёлой.

– Покажите дорогу, – вымолвил я наконец, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Мисс Паркс торопливо кивнула, прижимая руки к груди, и развернулась к дверце сбоку от алтаря, ведущей к винтовой лестнице в колокольню. Мы двинулись туда. Камень был сырой, холодный, и каждый шаг отдавался гулким эхом. Тусклый свет пробивался лишь сквозь редкие бойницы, да дрожащая свеча в руках мисс Паркс мерцала, бросая пляшущие тени на стены. Воздух становился всё более затхлым, с примесью влажности и железа.

– Я... я сама не заходила, – пролепетала она, поднимаясь впереди меня и судорожно цепляясь рукой за каменные перила. – Но звонарь Томас... он первый увидел... и выбежал, словно его самого черт погнал.

Лестница вывела нас к массивной дубовой двери, обитой ржавыми гвоздями. Мисс Паркс замялась, словно боялась

открыть её первой. Я толкнул дверь плечом – та с протяжным стоном поддалась.

Запах ударил мгновенно. Не смрад разложения – прошло слишком мало времени, – а острое, металлическое дыхание крови, смешанное с холодом камня и пылью. Внутри колокольни было полутемно: сквозь узкие окна просачивался утренний свет, размытый дождём и туманом, создавая ощущение, что само пространство застыло.

Она лежала у основания колокола. Леди Шейла. Её фигура казалась нелепо неестественной на грубом полу. Нарядное платье цвета ночного индиго было смято и запачкано, жемчужное ожерелье перекошилось и порвалось – несколько бусин рассыпались вокруг, словно глаза без век глядели в пустоту.

Голова её была странно запрокинута, рот полуоткрыт, а в уголке губ темнел след крови. Лицо – восковое, побледневшее, с застывшим выражением ужаса. Вокруг шеи выделялся багровый след, будто сдавленный петлёй или верёвкой.

Я замер. Даже дыхание остановилось. Это было не просто несчастье, не случайность. Взгляд мой скользнул к тяжёлому канату, свисающему от колокола: он был оборван, конец его лежал рядом с телом.

– Господи милостивый... – прошептала мисс Паркс, прижимая ладонь к губам и крестясь поспешно, так, что пальцы сбивались. – Неужели она повесилась...

Я не ответил. Грудь жгло странное чувство: смесь священ-

ного долга, страха и холодного предчувствия, что в Йорке меня ждёт вовсе не спокойная служба викария.

Прошел час, наполненный тревожной суетой. Прибывшие полицейские в серых плащах и мокрых от дождя шляпах деловито переговаривались между собой, словно находились на базарной площади, а не в святом месте. Они осторожно подняли тело бедной леди Шейлы, завернули в плотное покрывало и вынесли вниз, оставив после себя лишь влажные следы сапог и горький запах карболки, которой сбрызнули пол.

Колокольня вновь погрузилась в тишину. Только капли дождя пробивались сквозь трещины в оконных рамах и ритмично падали на камень. Я остался один.

Трудно было поверить, что знатная дама, известная своими благотворительными ужинами и вечной улыбкой на балу, сама наложила на себя руки. Да ещё здесь, в холодной, сырой колокольне. Что привело её на эту лестницу, вдали от прислуги, друзей, от привычного комфорта?

Я присел на корточки у места, где покоилась Шейла. Каменный пол был испачкан тёмным пятном – не кровь, скорее влага, которую тело вобрало и оставило после себя. Несколько жемчужин так и остались рассыпаны у колокольного каната. Я поднял одну: холодная, гладкая, но странно треснувшая, будто кто-то с силой наступил на неё каблуком.

Канат свисал сверху, оборванный. Конец его был разломачен, как если бы его рвали руками или тупым ножом. И

всё же... самоубийца вряд ли стал бы тратить силы, чтобы так неуклюже порвать прочное волокно.

На каменной стене, чуть в стороне от тела, я заметил потёртое пятно, словно кто-то в отчаянии или борьбе опёрся ладонью, оставив след влажной кожи. Чуть выше – глубокая царапина, выведенная чем-то острым. Не похоже на случайность.

Я обвёл взглядом пространство. Вся колокольня, казалось, дышала сыростью и тенью, но чем дальше я смотрел, тем сильнее росло ощущение, что здесь кто-то ещё был. И этот кто-то не хотел, чтобы его нашли.

Я невольно прошептал вслух:

– Нет... Леди Шейла не могла прийти сюда одна.

Я спустился вниз, шаги мои гулко отдавались по каменной лестнице. У подножия колокольни меня встретила мисс Паркс, всё ещё взволнованная, но старавшаяся держать себя в руках. На её щёках проступили красные пятна, а пальцы теребили подол рясы.

– Мисс Паркс, – обратился я к ней ровно, стараясь не показывать собственных сомнений, – дайте мне адрес леди Шейлы. Мне необходимо навестить её дом.

Она вскинула на меня глаза, полные непонимания, но всё же послушно произнесла:

– Бейли-стрит, особняк под номером двадцать шесть, святой отец. Там живёт её семья... то есть... жила.

Я кивнул, поблагодарил, натянул верхнюю одежду и на-

правился к выходу. На улице дождь не унимался. Тёмные лужи блестели в свете редких фонарей, а в тумане угадывались силуэты людей. Возле церкви ещё стояли полицейские. Они курили, пряча папиросы в ладонях от ветра. Казалось, их мало заботило происшедшее.

Я подошёл ближе, поправив перчатки и расправив воротник пальто:

– Господа, – произнёс я твёрдо, – я сам отправлюсь в дом леди Шейлы и займусь организацией её похорон.

Один из них, долговязый мужчина с бледным лицом и усами, лениво взглянул на меня и хмыкнул:

– Делайте что хотите, отец. Нам-то что? Женщина покончила с собой – конец истории.

Второй, моложе, махнул рукой, будто отгонял назойливую муху:

– Верно. Вон хоть и богатая была, а толку? Сама решила судьбу. Мы своё дело сделали.

Я ощутил, как во мне вскипает негодование, но лишь холодно поклонил голову и отошёл. Их равнодушие казалось не просто грубым – оно было оскорблением самой памяти о женщине, которую, быть может, убили.

Торопливо раскрыл зонт и сделал шаг в дождь. Сырое утро Йорка встретило меня шумом копыт на мостовой и карканьем ворон, сидевших на крышах. Впереди ждала Бейли-стрит и дом, в стенах которого могли скрываться ответы.

Повозка мягко покачивалась на ухабах, колёса звонко сту-

чали по мостовой, и серый Йорк постепенно открывался мне новыми фасадами – то строгими домами из красного кирпича, то резными воротами, за которыми скрывались богатые сады. Наконец, лошади остановились у массивных чугунных ворот, украшенных гербом, и я вышел под нескончаемый дождь.

Особняк леди Шейлы возвышался на небольшом пригорке, словно насмешливо глядя на весь город сверху вниз. Дом был мрачноват: тяжёлые стены из тёмного камня, высокие узкие окна, крыша, утопавшая в тумане. Фонари у ворот горели бледным светом, и казалось, что сама усадьба сопротивляется приходу незваных гостей.

Дворецкий открыл дверь почти сразу – видимо, шаги мои и стук зонта по мостовой донёсся сквозь гулкий холл. Это был высокий мужчина лет пятидесяти, худой, вытянутый, как свеча. На нём был безупречно сидящий чёрный сюртук, воротничок бел как снег, а седина тщательно зачёсана назад. Его лицо – резкое, словно высеченное из камня, но в глазах промелькнуло неподдельное удивление.

– Святой отец? – произнёс он низким голосом, в котором слышалось недоумение. – Простите, но леди Шейлы нет дома. Вы, вероятно, ошиблись адресом.

Я снял перчатку и, вытирая зонт у порога, посмотрел на него внимательно, словно на подозреваемого:

– Напротив, – ответил я холодно. – Я именно вас и искал. Дворецкий чуть заметно вздрогнул, словно мои слова на-

рушили привычный порядок вещей. На мгновение в его глазах блеснула тень тревоги.

– Меня?.. – переспросил он осторожно, опустив взгляд. – Но в чём... в чём дело, святой отец?

Я шагнул внутрь холла, где пахло воском и старой мебелью, и закрыл за собой дверь. Тишина особняка навалилась сразу, как могила.

– Нам нужно поговорить о вашей хозяйке, – сказал я твёрдо. – И прямо сейчас.

Мы прошли через длинный коридор, где портреты предков Шейлы в позолоченных рамах глядели на нас с потемневших холстов, будто каждый пытался что-то прошептать мне на ухо. Дворецкий шагал впереди почти бесшумно, его тонкие ноги двигались с удивительной лёгкостью для столь высокого мужчины.

Гостиная встретила нас теплом камина, потрескиванием поленьев и мягким светом лампы под тяжёлым абажуром. Комната была обставлена богато: тяжёлые бордовые шторы, дубовый столик с изящными резными ножками, несколько кресел с высокими спинками. В воздухе витал запах табака и старых книг.

Дворецкий пригласил меня сесть и сам остался стоять, словно не имея права присесть рядом. Я положил шляпу на столик и, глядя на него поверх сцепленных пальцев, произнёс:

– Сожалею, что именно мне приходится сообщать вам эту

новость. Сегодня утром, в колокольне церкви святого Креста, было найдено тело вашей хозяйки.

Его лицо вытянулось, и впервые строгость уступила место подлинному ужасу. Седые брови дрогнули, губы побелели. Он сделал шаг назад, ухватился за спинку кресла, будто боясь упасть.

– Мёртвой?.. – выдохнул он сдавленным голосом. – Этого... не может быть...

– Увы, – сказал я спокойно, хотя сам чувствовал, как неприятная дрожь пробежала по коже. – Всё указывает на... самоубийство.

Дворецкий широко раскрыл глаза, и в них отразилось не только потрясение, но и глубокое неверие.

– Нет... нет! Леди Шейла никогда... – он оборвал фразу, будто испугался собственных слов. – Она не могла, святой отец. Вы должны мне поверить.

Я внимательно наблюдал за ним. В его голосе звучала неподдельная боль, но в то же время в каждом его движении было что-то сдержанное, словно он знал больше, чем хотел выдать.

– Тогда расскажите, – тихо произнёс я. – Что вы знаете о своей хозяйке, мистер...?

– Грейвс, – сказал он, выпрямляясь, но голос его дрогнул. – Джонатан Грейвс. Я служу в этом доме более двадцати лет. И готов поклясться: моя госпожа не покончила бы с собой.

Он тяжело вздохнул и провёл рукой по седым вискам.

– В последние дни... с ней что-то происходило. Она была сама не своя. Но... прошу вас, святой отец, – он наклонился чуть ближе, – если вы вознамерились расследовать её смерть, вам стоит быть очень осторожным.

Я наклонился чуть вперёд, сцепив пальцы на колене, и всмотрелся в лицо Грейвса. Его глаза бегали по комнате, будто он искал спасительные слова на обоях или в огне камина.

– Что именно вы имеете в виду, мистер Грейвс? – спросил я мягко, но настойчиво. – С чем было связано её состояние?

Дворецкий сглотнул, и на мгновение в его позе исчезла выправка, так тщательно выработанная годами службы.

– Последние две недели леди Шейла была... встревожена, – начал он осторожно. – Она почти не выходила из дома. Перестала принимать гостей, хотя раньше каждое воскресенье у нас собиралось полгорода. Её лицо изменилось, взгляд – будто она видела то, чего никто другой не замечал.

Он замолчал, затем опустил голос до шёпота:

– Несколько раз я заставлял её в библиотеке... она сидела в темноте, не зажигая свечей, и смотрела в одну точку. Когда я осмелился спросить, всё ли в порядке, она ответила, что «он» не даёт ей покоя.

Я нахмурился.

– «Он»? Кто – он?

Грейвс помотал головой, будто сам не понимал.

– Она никогда не называла имени. Но однажды, проходя

мимо её комнаты, я слышал, как она повторяла одно и то же... – дворецкий закрыл глаза, напрягая память. – «Змей не отпустит... змей не отпустит...»

Я невольно вспомнил того странного мужчину на лондонском вокзале с кривым цилиндром и тростью, рукоять которой была вырезана в виде змеи, кусающей собственный хвост. Воспоминание холодком пробежало по спине.

– И больше ничего? – спросил я, стараясь не выдать своей внутренней тревоги.

– В ночь перед её смертью... – голос дворецкого дрогнул. – Я слышал колокольный звон, святой отец. Но это было невозможно: никто не поднимается на колокольню в такое время.

В гостиной воцарилась тишина, лишь камин потрескивал, бросая пляшущие отблески на напряжённое лицо Грейвса.

– Скажите, мистер Грейвс, – я встал и медленно прошёлся по комнате, – у леди Шейлы были враги? Те, кто желал бы её гибели?

Он не ответил сразу, а лишь тяжело вздохнул, глядя на портрет хозяйки, висевший над камином.

– Возможно, – произнёс он тихо. – Но, святой отец, если вы решитесь искать правду... вы окажетесь в самом сердце того, о чём лучше не знать.

Полуденное солнце тщетно пыталось пробиться сквозь тя-

жёлтые облака, и весь мир вокруг казался выцветшим, словно покрытым серым налётом. Я вышел за кованые ворота особняка и на мгновение остановился: влажный ветер ударил в лицо, пахнувший сырой землёй и дымом из труб.

Подняв руку, я остановил первую же повозку. Кучер, худощавый мужчина в залоснившемся плаще, посмотрел на меня с недоверием, но, заметив сутану под пальто и белый воротник, молча кивнул.

– В полицейский участок, – коротко бросил я, забираясь внутрь.

Лошади зацокали по булыжной мостовой. Дорога петляла между узких улочек, где под вывесками лавок копошились торговцы, а дети, не замечая промозглого ветра, гоняли деревянное колесо палкой. Когда мы проезжали площадь, я заметил: люди перешёптывались, украдкой глядя на мою повозку. Казалось, весть о смерти леди Шейлы уже разлетелась по Йорку и успела обрасти слухами.

Спустя полчаса передо мной выросло массивное кирпичное здание с каменной лестницей и чугунными перилами – полицейский участок. Вид у него был суровый: крепкий, без изысков, с узкими окнами, больше похожий на тюрьму, чем на центр правопорядка. У входа скучали двое констеблей, курили трубки и лениво переговаривались, будто всё происходящее в городе их мало касалось.

Я расплатился с кучером, поправил перчатки и, не торопясь, поднялся по ступеням. Дверь поддалась с тяжёлым

скрипом. Внутри меня встретил резкий запах чернил, кожи и мокрой шерсти. На стенах висели таблички с объявлениями, а в углу тихо потрескивал угольный обогреватель.

Сняв шляпу и стряхнув с неё капли дождя, я подошёл к дежурному столу. За ним сидел полицейский средних лет – усы его торчали в разные стороны, взгляд был недовольный, как у человека, которого оторвали от кружки чая.

– Чем могу помочь, святой отец? – произнёс он без особого почтения, но в голосе всё же прозвучала лёгкая насто-роженность.

Я чуть наклонил голову.

– Мне нужен ваш начальник. Речь идёт о деле леди Шей-лы.

В комнате мгновенно стало тише. Полицейский перестал шаркать сапогом и какое-то время разглядывал меня, словно решал, стоит ли мне доверять.

– Следуйте за мной, – буркнул он наконец и повёл меня вглубь участка.

Меня провели длинным коридором, стены которого были выкрашены в тусклый зелёный цвет и испещрены старыми пятнами влаги. Половицы под сапогами дежурного гулко отзывались, а запах сырости и чернил здесь стоял гуще, чем у входа. Наконец, мы остановились перед тяжёлой дубовой дверью. Полицейский постучал, приоткрыл её и, не дожидаясь приглашения, кивнул мне.

Я вошёл. За широким столом, заваленным бумагами, си-

дел мужчина лет пятидесяти пяти. Его седые волосы были аккуратно зачёсаны назад, усы – ровные, подстриженные, а серый мундир сидел на нём так, словно он сросся с этим креслом и властью, что в нём заключалась. Он поднял глаза, и в них сквозила усталость – та самая, которую оставляют годы службы и чужие грехи, слишком часто проходящие перед глазами.

– Святой отец, – произнёс он, приглушённым голосом, – вы по всей видимости пришли по делу леди Шейлы.

Я кивнул и снял перчатки, аккуратно положив их на край стола.

– Да, сэръ. Я видел её тело в колокольне церкви Святого Креста. Но мне нужно увидеть её снова. Лично. – Я сделал паузу, подбирая слова, чтобы не показаться чересчур настойчивым. – Убедиться... и прочесть молитву, раз уж обстоятельства столь тяжёлые.

Он склонил голову, барабая пальцами по столешнице.

– Не каждый день викарий приходит к нам с такими просьбами. – В его голосе прозвучало сомнение, но и некая тень уважения. – Обычно церковь ждёт, пока мы завершим наше дело.

– Но разве не долг церкви – почитать каждую душу? – тихо ответил я. – Тем более, сэръ, вы и сами понимаете: такая смерть... слишком странна, чтобы оставлять её без должного взора.

Мы несколько мгновений молчали. Наконец, начальник

полиции глубоко вздохнул и поднялся.

– Что ж. Пойдёмте, святой отец. Тело пока в морге. Но предупреждаю: зрелище не из приятных.

Я поднялся вслед за ним, крепче сжав в руках шляпу. Внутри меня жила уверенность – увидеть покойную было не только долгом, но и необходимостью.

Мы вошли в холодное помещение морга, где воздух был густ от запаха влажного камня и железа. Слабый свет из узкого окна падал на покрытое белой тканью тело. Я замер у порога, сделав короткий знак креста, и только потом решился подойти ближе.

С тяжёлым сердцем я откинул полотно. Передо мной лежала леди Шейла – её лицо было бледным, словно выточенным из воска, и лишённым той горделивой осанки, с которой она когда-то появлялась в обществе. Губы были чуть приоткрыты, на ресницах застыла капля влаги – будто след последнего дыхания.

Я заставил себя не отводить взгляд и внимательнее осмотрел её руки. Сначала всё казалось обычным: бледные пальцы, аккуратный маникюр. Но затем моё внимание привлекли странные отметины на запястьях. Это не были следы от верёвок или цепей – раны выглядели точными, глубокими, словно нанесёнными острым инструментом. Я провёл пальцем в воздухе над порезами, стараясь не касаться кожи: они были слишком ровными, слишком искусственными, чтобы их могла нанести сама себе хрупкая женщина.

Я обошёл тело, всматриваясь в шею. Там, чуть ниже линии подбородка, заметил ещё один порез – неглубокий, но пугающе прямой. Моё сердце забилося чаще: ни один из этих следов не говорил о самоубийстве. Наоборот, они кричали о чужой руке, о чьей-то холодной и методичной жестокости.

Я отступил назад, сжал пальцы в кулак и перекрестился вновь.

– Господи... – выдохнул я едва слышно. – Это был не её выбор, прими заблудшую душу.

В этот миг во мне окрепла уверенность: смерть леди Шейлы не была актом отчаяния. Кто-то тщательно постарался, чтобы всё выглядело именно так.

Я подошёл к полицейскому, осторожно, но твёрдо указав на странные порезы на запястьях и шее леди Шейлы. Его глаза сузились, и на мгновение в комнате воцарилась тишина, прерываемая лишь тихим гулом участка.

– Смотрите сами, – сказал я ровным голосом. – Ни одна хрупкая женщина не смогла бы нанести себе такие точные, ровные раны. Посмотрите на эту отметину на шее – прямой порез, аккуратный, выверенный. Это не самоубийство.

Полицейский нахмурился, прищурился, наклонился ближе, осторожно, словно боясь задеть тело. Он провёл рукой по воздуху над запястьями и затем посмотрел на меня, его усталые глаза наконец заискрились интересом.

– Чёрт возьми... – выдохнул он, медленно отводя взгляд. – Действительно... это больше не похоже на самоубийство.

Кто-то явно лишил бедняжку жизни.

Я кивнул, сдержанно удовлетворенный, что смог донести мысль. Полицейский продолжил:

– Нам нужен эксперт. Доктор Освальд Гримсби. Он обладает... особым зрением для подобных случаев. Я отправлю за ним. Если он так же... впечатлителен, как и вы, возможно, он увидит то, что мы не замечаем.

Я коротко кивнул, словно соглашаясь с неизбежностью. Наконец устало выдохнул, чувствуя, как напряжение немного спало. Первый шаг был сделан: теперь дело уже перестало быть обычным самоубийством.

– Хорошо, – сказал я, поворачиваясь к полицейскому. – Сообщите доктору, чтобы приехал как можно скорее. И прошу, чтобы никто из посторонних пока сюда не заходил.

Полицейский кивнул и направился в свой кабинет, а я снова подошёл к телу Шейлы, всматриваясь в каждую деталь. Внутри меня росло ощущение, что тайна, скрытая в её смерти, вот-вот откроется.

Глава 2. Лунная Леди

На следующее утро я снова оказался в церкви. Сквозь высокие витражи пробивался бледный свет – редкие лучи солнца едва касались каменного пола, играя красными и синими отблесками. Влажный холод ещё держался в стенах, словно ночь не желала отпускать храм из своих объятий.

Я опустился на колени перед алтарём. Моя сутана чуть задела холодный камень, и я переплёл пальцы в молитве. Вчерашний день гудел в голове, как непрерывный звон колокола: лицо Шейлы, её раны, пустой взгляд и тревожное согласие полицейского. Но здесь, у алтаря, я пытался найти покой – тишину, в которой Бог, если Он захочет, подаст знак.

Слова молитвы шли сами собой, привычным ритмом, а мысли всё равно возвращались к покойной. Я ловил себя на том, что прошу не только о её душе, но и о том, чтобы мне хватило сил разобраться в этом деле.

– Господи Всемилостивый, к Тебе возношу молитву о душе рабы Твоей, леди Шейлы. Прими её в объятия Света, где нет боли, нет скорби и нет слёз. Очисти её сердце от земных тревог и прегрешений, даруй покой вечный и мир, что выше всякого понимания. Мы – лишь странники на этой земле, но в Тебе – начало и конец пути. Не оставь нас в сомнении и мраке, дай силы тем, кто остался жить, чтобы они несли свет и истину. Господи, пусть смерть её не станет тщетной,

но обернётся свидетельством Твоей правды. Да будет воля Твоя, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

Запах воска смешивался с лёгким ароматом ладана, а где-то в глубине церкви скрипнула скамья – будто здание жило своей тайной жизнью. Я поднял глаза на распятие, и на мгновение мне показалось, что Христос смотрит на меня не с вечным прощением, а с испытующей строгостью.

Я тихо выдохнул и продолжил молиться, ощущая, что впереди меня ждёт день, полный открытий и, возможно, новых испытаний.

Тяжёлая дубовая дверь церкви распахнулась с гулким скрипом, и звук эхом прокатился по пустынным сводам, от неожиданности я обернулся. Внутри шагнул высокий мужчина, весь в сером: строгий костюм, длинное пальто до колен, цилиндр на голове того же тона. На первый взгляд – джентльмен из высшего общества, но стоило задержать на нём взгляд дольше, как иллюзия распадалась. Его волосы, бледно-золотистые, с неестественным блеском, торчали в разные стороны, будто он часами копался в книгах или приборах и совершенно забыл о гребне. На воротничке белой рубашки виднелось крошечное пятно чернил. В правой руке он держал трость с резным навершием в виде змеи, пожирающей собственный хвост. Металл поблёскивал тусклым серебром, и от этого символа веяло чем-то тревожным, чем-то до боли знакомым.

Когда он приблизился, я заметил, что его глаза – ярко-го-

лубые, очень светлые, с цепкой, почти болезненной внимательностью. Он смотрел так, словно видит не человека, а объект для изучения.

Сняв цилиндр, мужчина слегка поклонился, и голос его оказался неожиданно мягким, с лёгкой хрипотцой:

– Это вы... новый священник?

Я опустил молитвенник, не спеша ответил:

– Да. Викарий Вейл.

Незнакомец чуть дернул уголком губ – не улыбка, скорее жест какой-то внутренней насмешки – и произнёс:

– Доктор Освальд Гримсби. Медицинский эксперт при полицейском управлении. – Он говорил быстро, чуть нараспев, будто спешил, но каждое слово выговаривал отчётливо. – И, признаюсь, был крайне заинтригован, когда мне сообщили о вашем интересе к телу леди Шейлы.

Он подошёл ближе, небрежно снял перчатки и, вместо привычного рукопожатия, лишь слегка кивнул. Манеры его были странной смесью изысканной вежливости и полной отрёшенности – словно передо мной стоял не человек, а учёный, занятый исключительно своим делом и с трудом подстраивающийся под условности общества.

– Если позволите, святой отец, – продолжил он, сжимая пальцами край цилиндра, – я хотел бы обсудить с вами... то, что вы обнаружили. Но предупреждаю сразу: я человек прямой. Для меня важны факты и следы, а не догадки и красивые слова.

– Хорошо, но давайте не здесь, – пробормотал я.

Мы вышли из церкви – тяжёлая дверь хлопнула за моей спиной, и шум улицы показался оглушительным после тишины алтаря. Воздух был влажный, тяжёлый, пах углём и мокрым камнем. Я глубже натянул воротник пальто, а доктор Гримсби, чуть прихрамывая и опираясь на свою странную трость с Уроборос, шагал рядом, словно торопился, но не к конкретному месту, а к собственной мысли.

– Святой отец, – бросил он вполголоса, не глядя на меня, – позвольте мне выбрать место для разговора?

Я кивнул. Он поднял руку, и почти сразу остановилась повозка, колёса которой брызнули грязью на обочину. Кучер, сутулый старик, лишь взглянул на мой белый воротник и молча распахнул дверцу.

– В Чёрного Пса, – коротко приказал доктор, усаживаясь первым. Я последовал за ним.

Дорога тянулась недолго: серые фасады домов сменялись лавками, вывески трактиров скрипели на ветру, а в узких переулках звучал детский смех, перемешанный с руганью торговцев. Я смотрел в мутное стекло кареты, а мысли возвращались к Шейле. Как странно: город жил своей привычной жизнью, в то время как тело молодой женщины лежало в морге.

Наконец повозка остановилась у низкого здания с почер-

невшей дубовой вывеской. На ней был вырезан пёс с оскаленными зубами – “Черный Пес”. Из двери тянуло густым запахом эля, дыма и жареного мяса. Смех, спор и звон кружек сливались в один гул.

Доктор поправил свой цилиндр, скользнул по мне внимательным взглядом и сказал:

– Здесь мы сможем говорить.

Я шагнул за ним внутрь, сразу ощутив тяжёлое тепло и влажный жар от печи, а десятки глаз скользнули по нам, задерживаясь на моей сутане, прежде чем снова отвернуться к своим кружкам.

Внутри было темно, свет пробивался лишь сквозь мутные окна да от нескольких ламп под потолком, закопчённых и чадящих. Стены, обшитые грубой доской, покрывались потёками времени и копотью, а в углу висела охотничья трофейная голова оленя – с пустыми, мёртвыми глазами, глядящими прямо в зал.

Длинный зал был забит грубыми деревянными столами, у каждого – скамьи и кривоногие стулья, которые скрипели под весом гостей. На пол были насыпаны опилки, они шуршали под сапогами, и казалось, будто здесь пытались скрыть не только пролитый эль, но и чужую кровь. В дальнем углу громко играли в кости, гулкий смех перемешался с руганью.

За стойкой, почерневшей от лет, стоял хозяин – широкоплечий мужчина с лысиной и бородой, утирающий кружки ветхой тряпкой, больше похожей на старый мешок. Вдоль по-

лок за его спиной тянулись бутылки разных форм, без этикеток, с мутными жидкостями внутри.

Запах был густым и смешанным: жареное мясо, сырость, старое пиво, капля дешёвых духов. У кого-то рядом с нами загорелась трубка, и табачный дым вплёлся в общий туман.

Гримсби скользнул по залу взглядом, чуть прищурился, как хищник, и тихо сказал мне:

– Сюда.

И повёл вглубь, к боковой двери, за которой оказался небольшой закуток с двумя столами, почти отгороженный от общего шума. Здесь пахло чуть свежее, и можно было говорить без лишних ушей.

Мы устроились за столиком в углу, где запах копчёного мяса и крепкого эля висел в воздухе уже не таким плотным облаком, а на закопчённых стенах отражался пляшущий свет огня из камина. За окнами снова пошел дождь, он тревожно барабанил по стеклу, и редкие прохожие торопливо скрывались под зонтами.

Доктор опустился на лавку напротив – высокий, сухопарый, с лицом, в котором усталость соседствовала с внимательной сосредоточенностью. Сняв перчатки, он аккуратно положил их рядом с кружкой, словно даже в пабе сохранял привычную дисциплину анатомического стола.

Я сцепил пальцы и наклонился ближе, понизив голос, чтобы слова тонули в общем гуле разговоров.

– Дворецкий, Джонатан Грейвс, уверяет: хозяйка никогда

не могла бы наложить на себя руки, – начал я, всматриваясь в лицо собеседника. – Но последние недели она изменилась. Почти не покидала дом, сидела в темноте и бормотала о некоем «нём». По словам Грейвса, она повторяла лишь одно: «Змей не отпустит... змей не отпустит».

Доктор слушал молча, но в его взгляде мелькнуло внимание, острое, как лезвие.

– В ночь перед смертью, – продолжил я, – он слышал колокольный звон. Никто не должен был касаться колоколов в тот час. А утром её тело нашли уже у нас в церкви, у подножия колокольни, под оборванным канатом. На запястьях – странные отметины. Я видел их сам в морге. Это не следы петли. Будто кто-то оставил их намеренно, холодным расчётом.

Я умолк. Только стук дождя и приглушённые голоса в пабе оставались между нами. Доктор сделал медленный глоток эля, поставил кружку на стол и, не отводя от меня взгляда, тихо произнёс:

– Хм. Это уже не просто несчастный случай, святой отец. И ваши слова подтвердили то, что я слышал от леди Шейлы.

– Слышали? Она ведь мертва, – все так же тихо бормотал я.

Доктор усмехнулся одними уголками губ, но в глазах его мелькнул холодный блеск. Он наклонился ближе, так что я ощутил на себе запах его табака, смешанный с дымом каминна.

– Святой отец, – произнёс он негромко, почти доверительно, – мёртвые говорят куда чаще, чем вам кажется. Вопрос лишь в том, кто готов слушать.

Я непроизвольно сжал крест в кармане сутаны.

– Хотите сказать, что беседовали с её призраком? – спросил я, чувствуя, как слова звучат чужими даже для моего собственного голоса.

– И да, и нет, – доктор сделал паузу, будто смаковал тягучее напряжение. – С покорными духами, теми, что нашли покой, – можно лишь молиться. Но есть и другие. Непокорённые. Те, что застряли между этим миром и тем. С ними я могу говорить. Иногда они рассказывают больше, чем живые свидетели.

Я почувствовал, как холод пробежал по спине.

– А что до леди Шейлы... – он наклонился ещё ближе, и его голос стал бархатным шёпотом. – У меня есть дар. Я могу видеть последние тридцать шесть секунд жизни человека. Мгновения перед смертью. В них – правда, которую не скрыть. Но для этого, – он на миг задержал взгляд на моём кресте, – нужен вы. Святой отец. Ваше присутствие открывает путь, удерживает то, что иначе разорвало бы меня на части.

Он замолчал, и на миг показалось, что весь паб стих, оставив лишь наши голоса и дождь за окном.

– Вот почему, – доктор медленно поднял кружку и сделал ещё один глоток, – если вы хотите узнать, что на самом деле

случилось с леди Шейлой, придётся помочь мне. И тогда вы сами во всем убедитесь.

Я поднял руку и окликнул хозяина паба:

– Стакан виски, – произнёс я твёрже, чем хотел.

Хозяин, невысокий, краснолицый мужчина с полотенцем через плечо, понимающе кивнул и вскоре поставил передо мной пузатый стакан, в котором янтарная жидкость отражала огонь камина. Я не стал медлить: поднёс к губам и в один миг осушил до дна. Горячее пламя обожгло горло, но вместе с ним пришло странное облегчение – словно виски разогнало туман сомнений.

Доктор вскинул брови, откровенно удивившись, и едва не поперхнулся своим элем.

– Святой отец... – произнёс он с полуулыбкой, – я думал, вы черпаете мужество исключительно в молитве, а не в шотландском ячмене.

Я поставил стакан на стол так, что дерево глухо отозвалось, и впервые за пребывание в Йорке позволил себе кривую усмешку.

– Иногда, доктор, одно не исключает другого.

Он хмыкнул, качнув головой:

– Ну что ж... если вино – кровь Христова, то, пожалуй, виски можно считать его... северным кузенком.

Мы оба невольно рассмеялись, но смех наш вышел сухим, глухим – больше похожим на нервный выдох.

Смех оборвался так же быстро, как и начался. Доктор сно-

ва стал серьёзен: глаза его потемнели, взгляд сосредоточился на мне, будто виски и шутки никогда не существовали.

– Святой отец, – тихо сказал он, отставив кружку, – веселиться мы можем позже. Сейчас важно другое.

Он наклонился ближе, и голос его стал шёпотом:

– Тело леди Шейлы ещё в морге. Если вы согласитесь сопровождать меня, я смогу прикоснуться к её последним мгновениям и увидеть... кто убил её.

Я напрягся. Слова эти звучали одновременно кощунственно и как единственный путь к истине.

– Вы уверены, что сможете? – спросил я, глядя ему прямо в глаза.

– Сможем, – поправил он. – Но только вместе. Без вас я увижу лишь обрывки – крики, тени, дрожь. А с вами рядом – откроется картина целиком. Вы ведь особенный, не пытайтесь скрыть это от меня. Без вашей веры я рискую сойти с ума.

Он сделал паузу, затем медленно произнёс:

– Давайте отправимся сейчас... или предпочитаете еще виски?

Его слова повисли между нами тяжёлым свинцом. За окнами дождь хлестал по стеклу, и я вдруг почувствовал: день обещает быть длинным.

– Хоть вы мне и не нравитесь, – начал я, – но ради леди Шейлы, я согласен.

Мы вошли в морг. Каменные стены источали ледяное дыхание, запах железа и карболки резал ноздри, а тусклый свет ламп едва пробивался сквозь сизый туман свечного дыма. В центре, на массивном столе из серого камня, под белым полотном лежало тело леди Шейлы.

Доктор первым делом начал стягивать с себя пальто и сюртук, аккуратно складывая их на спинку ближайшего стула. Я, нахмурившись, наблюдал за этим движением.

– Для чего вы снимаете одежду? – тихо спросил я. – Здесь и так холодно, будто сама смерть сидит в каждом углу.

Доктор поднял на меня взгляд, и в глазах его мелькнуло странное возбуждение, граничащее с фанатизмом.

– Холод – лишь маска, святой отец, – ответил он ровно. – Настоящее испытание приходит не снаружи. Мне нужно быть свободным от всего лишнего: ткани, веса, привычек. Чтобы ничто не мешало... соединиться с последними мгновениями её жизни.

Он стянул перчатки, затем расстегнул жилет и положил на пальто. Остался в белой рубашке, манжеты которой он закатал выше локтей, словно хирург, готовящийся к операции.

– В этом деле, – добавил он, делая шаг к каменному столу, – каждая деталь, даже пульс на запястье, должна быть открыта.

Я крепче сжал крест, чувствуя, что нас ждёт нечто, к чему молитвами не подготовишься.

– Отец Эдмунд, я ведь могу вас так называть? – голос Освальда звучал приглушённо, но в нём слышалась сталь. – Когда я начну, положите ладонь мне на плечо и не отпускайте, что бы ни произошло. Поняли?

Я сдержанно кивнул.

– Зачем это? – спросил я.

– Без вашей веры я не вернусь, – просто ответил он и опустился на стул рядом с телом, словно хирург перед операцией. Его спина выпрямилась, пальцы дрожащим, но точным движением сняли с леди Шейлы покрывало до груди.

Я с осторожностью подошёл ближе. Свет лампы подрагивал, и казалось, будто лицо покойницы меняется в этом дрожании – то спокойное, то искажённое ужасом. Протянул руку. Ладонь моя легла на плечо Освальда – твёрдое, сухое, под тонкой тканью рубашки.

В тот же миг он закрыл глаза и наклонился к мёртвой женщине. Его пальцы осторожно коснулись её ладони, и я почувствовал, как его плечо под моей рукой напряглось, будто через него прошёл удар тока.

– Держите крепче, святой отец, – выдохнул он. – Уже близко...

Я ощутил странную дрожь: не только в его теле, но и во всём воздухе. Лампа над нами затрепетала, пламя качнулось, тени на стенах вытянулись, превращаясь в длинные чёрные фигуры.

Освальд резко втянул воздух, будто захлёбывался чужим

дыханием, и его глаза под веками забегали.

– Господи... – прошептал я, сжимая его плечо сильнее. –
Защити нас от душ заблудших.

Плечо под моей рукой задрожало, мышцы напряглись, будто в них вонзились невидимые когти. Освальд тяжело дышал, губы его зашептали – быстрые, рваные слова, будто не ему принадлежавшие:

– Тьма... камень... звон...

Вдруг его спина выгнулась, словно он пытался вырваться из моих пальцев, и я с трудом удержал хватку. Лампа мигнула, и на мгновение мне показалось, что в мёртвых глазах Шейлы мелькнул отблеск жизни.

– Она поднимается... – прохрипел Освальд, голос его стал чужим, высоким, почти женским. – Ступени... холодные... он рядом... слишком близко...

Я сжал крест на груди, удерживая его плечо другой рукой.

– Кто рядом? – спросил я, и голос мой прозвучал тише шёпота.

Губы Освальда исказила судорога.

– Мужчина... высокий... цилиндр... тень на стене... – зубы его заскрежетали. – Рука сжала горло... я не могу... дышать...

Я почувствовал, как он вцепился в край стола, ногти с треском скользнули по камню.

– Уроборос... змей не отпустит... – слова сорвались с его губ уже почти криком, и в тот же миг лампа над нами вспых-

нула ярким светом и едва не погасла.

Освальд захрипел, голова его откинулась назад, а по комнате пронёсся гулкий звон, будто ударил колокол – но колоколов здесь не было.

Я вцепился в его плечо обеими руками, удерживая, как он просил:

– Держись! – выдохнул я. – Во имя Господа, держись!

Его дыхание сбилось, лицо побледнело, и в тот миг мне показалось, что не только он, но и я сам скольжу куда-то за грань.

Прошло долгих три дня с того момента, как я притащил Освальда домой, едва держащегося на ногах, без сознания. Три дня, наполненные бесконечной тревогой, бессонными ночами и тихими, почти молитвенными разговорами с ним. Я сидел рядом с ним, держа его руку, проверяя дыхание, прислушиваясь к каждому слабому стуку сердца, словно это был единственный маяк, указывающий, что он всё ещё здесь, со мной.

Я старался поддерживать его, кормил, поил, менял простыни, держал под рукой лекарства и ледяные компрессы, когда жар поднимался выше нормы. Каждое движение давалось мне с трудом, но мысль о том, что он может исчезнуть, не давая мне даже возможности попрощаться, была куда тяжелее. Я говорил с ним тихо, иногда шепотом, иногда вслух,

как будто слова могли вытянуть его обратно из тьмы.

На третий день произошло то, чего я так боялся пропустить. Его пальцы едва шевельнулись, словно реагируя на мое присутствие. Я замер, сердце застучало быстрее – осторожно поднес руку к его щеке, почувствовав тепло, слабое, но настоящее. Он вздохнул, не осознанно, но дыхание было. Я не удержался и прижал его руку к себе, с трудом сдерживая слёзы.

– Освальд... вы слышите меня? – мой голос дрожал, но я продолжал говорить, не переставая, словно только моими словами он мог вернуться.

И в этот момент его глаза медленно начали открываться, сначала с трудом, едва различимо, потом всё яснее. Ещё слегка мутные, но всё же живые, смотрели на меня. Он моргнул несколько раз, словно пытался сфокусироваться, губы предательски дрожали, когда он произнёс:

– Где... я?

Моё сердце сжалось от облегчения и тревоги одновременно. Я наклонился ближе, стараясь говорить спокойно, но голос дрожал от волнения:

– Это мой дом, доктор Освальд. Как себя чувствуете?

Он пытался подняться, но его тело было слишком ослаблено. Я осторожно поддержал его, помог сесть, а потом просто обнял, ощущая, как он постепенно расслабляется в моих руках. Его дыхание стало ровнее, и впервые за три дня в комнате повисло спокойствие.

– Сколько времени прошло? – спросил он, и в его голосе слышалась смесь удивления и благодарности.

– Долгих три дня, я очень испугался, когда вы потеряли сознание.

Он закрыл глаза на мгновение, будто бы впитывая моё присутствие и уверенность, что всё действительно будет хорошо. Я наблюдал за ним, ощущая странное, почти священное спокойствие: всё то, что было невозможно описать словами, сейчас висело между нами – доверие, забота и та слабая, но неугасимая надежда, которая держала нас обоих на плаву.

Я медленно встал, стараясь не шуметь, и направился на кухню за водой. Вернувшись, я подал Освальду стакан, став рядом, чтобы он мог держаться. Его взгляд был устремлён на меня, ещё слабый, но внимательный.

– Вы всё ещё мне не нравитесь, – сказал я тихо, немного с улыбкой, стараясь снять напряжение, – но так пугать меня кощунство... Когда придёте в себя, нам нужно поговорить о том, что вы видели.

Освальд согласно кивнул, принимая моё слово и одновременно подтверждая, что готов обсудить это позже.

В комнате повисла короткая пауза – как будто оба мы понимали: разговор будет непростым, но сначала нужно дать время, чтобы прийти в себя. Я стоял рядом, наблюдая за его дыханием и лёгкими движениями, ощущая одновременно облегчение и тревогу: ещё многое предстояло, но первый

шаг – возвращение Освальда в наш мир – был сделан.

Через несколько часов Освальд был бодр и весел, словно прошедшие три дня бессознательного сна вообще не существовали. Его глаза блестели живостью, а улыбка легко скользила по лицу. Мы уселись на диван в гостиной.

Сначала он с интересом оглядывал дом, слегка приподнимая брови:

– Какая красота... у такого святого отца, как вы, дом должен быть... – он сделал паузу, улыбнувшись с лёгкой насмешкой.

Я лишь кивнул, слегка улыбаясь в ответ, но его взгляд быстро вернулся к серьёзной теме. Он опустил глаза, сжимая руки на коленях, и заговорил ровным, тихим голосом:

– Леди Шейлу точно убили... – начал он, – но лицо было невозможно разглядеть, слишком темно.

Я слушал молча, чувствуя, как напряжение снова наполняет комнату. Он продолжил, описывая детали:

– Оружие... порезы не случайны, они... аккуратные, острые. Судя по форме, что удалось разглядеть, это был нож с длинным лезвием, хорошо наточенный, такие продают не во всех лавках.

Я сжал кулаки, стараясь скрыть дрожь. Каждое слово Освальда рисовало в воображении картину, которую я не хотел видеть, но которая теперь требовала внимания. Он закончил, посмотрев на меня с тревожной, но спокойной ясностью:

– Я видел только это. Но теперь вы знаете, что произошло.

В комнате снова повисла тишина – уже не та тревожная, что была во время его бессознательного состояния, а тишина, полная понимания и необходимости действовать.

Я глубоко вздохнул, пытаюсь собраться. Каждое слово Освальда отозвалось во мне острым эхом – детали убийства были ясны, но их тяжесть требовала холодного, расчётливого подхода.

– Значит, у нас есть подтверждение, – сказал я ровно, стараясь держать голос спокойным. – Лицо скрыто, оружие известно... Нам нужно понять, кто способен так действовать.

Освальд кивнул, слегка напрягшись:

– Я видел только тени, – признался он, – но раны и движения убийцы... они не случайны. Это кто-то натренированный, может бывший солдат.

Я провел рукой по подбородку, обдумывая всё услышанное:

– Хорошо. Нам нужно действовать осторожно. Первое – мы составляем список тех, кто имеет навык обращения с таким оружием, а второе – я хочу, чтобы вы точно вспомнили все детали: звуки, движения, всё, что показалось необычным.

Освальд кивнул снова, и в его взгляде была готовность сотрудничать:

– Я попробую восстановить в памяти всё, что мог видеть, – сказал он, – даже малейшие нюансы.

Я встал, подошёл к окну и взглянул на улицу, стараясь мысленно составить план:

– Пока вы будете восстанавливать детали, я проверю всё, что мы можем использовать. Мы не можем позволить себе ошибок. Если убийца всё ещё на свободе... мы должны быть на шаг впереди.

Комната наполнилась напряжённой сосредоточенностью: никакой паники, только холодная логика и тихое, но непреклонное чувство решимости. Мы знали, что шаги, которые предстоят, будут опасны, но теперь у нас была информация – и с ней приходила сила действовать.

Я решил утром не затягивать с молитвой. Время, конечно, у алтаря никогда не бывает напрасным, но мысль о колокольне, где нашли леди Шейлу, грызла меня с того самого дня. Что-то в её смерти не давало покоя, и даже слова Освальда – резкие, уверенные, – не заглушили моего сомнения.

Колокольня поднималась, как каменный страж – узкая, с тёмными бойницами, будто пустые глаза. У входа к месту преступления стояла тяжёлая дверь, обитая полосами тёмного металла. Я потянул за ручку, и она со скрипом поддавалась. Внутри – полумрак и запах старого дерева, затхлого, как в забытом сундуке. Где-то в глубине колокольни капала вода – мерно, как отсчёт времени.

Я поднял голову. Каменные стены уходили вверх, к тьме, а

где-то там, в невидимой вышине, ждали колокола. Лестница спиралью взбегала вдоль стены, крутая и узкая. Я вздохнул и начал подниматься. Каждый шаг отзывался гулом в пустоте, и чем выше я поднимался, тем сильнее в голове нарастало ощущение чужого присутствия.

На площадке, где недавно нашли тело Шейлы, было пусто. Лишь несколько тёмных пятен на досках напоминали о том, что здесь недавно лежала живая женщина. Я присел, провёл рукой по дереву. Доски были шероховаты, влажны от ночного дождя, но кроме этих пятен меня смутило другое: рядом, у стены, я заметил лёгкие следы грязи, будто кто-то недавно поднимался сюда с улицы. Следы не похожи на тонкий женский каблук – они были шире, тяжелее.

Я выпрямился и посмотрел на окно-бойницу. Отсюда виден был весь город, крыши и трубы, из которых вился дым. Но решётка, что должна была закрывать проём, была сорвана. Болты валялись прямо на полу, будто их нарочно выкрутили.

– Значит, это был мужчина, – пробормотал я вполголоса.

Мысли роились, но ни одна не складывалась в ясный ответ. Лишь одно было очевидно: леди Шейла не могла сама попасть сюда, сорвать решётку и оставить на полу следы тяжёлых ботинок, уж тем более спустя пять дней после смерти.

Я ещё раз осмотрел площадку и заметил под балкой странный блеск. Пришлось присесть на колени и заглянуть в щель между досками. Там, застряв, лежала тонкая золотая булава-

ка – с резным вензелем. Я осторожно достал её, подержал на ладони. Свет пробился сквозь облака и упал на металл – вензель сложился в букву «G». Мое сердце кольнуло нехорошим предчувствием.

Хорошая зацепка. Возможно, первая настоящая. Из внутреннего кармана достал маленький блокнот, потрёпанный и уже изрядно исписанный заметками. Кусочек уголька хранил там же – привычка, что осталась ещё со времён семинарии, когда я заносил на бумагу всё, что могло показаться важным. Наклонившись над влажными досками, я приложил лист к следу и бережно вывел контур. Рисунок получился грубым, но достаточным, чтобы запомнить: подошва широкая, с характерным узором из ромбов и линий. Не женская обувь – это точно. Я подул на лист, стряхнул угольную пыль и аккуратно вложил заметку обратно в блокнот.

Я спустился вниз по крутой лестнице, и чем ближе был к выходу, тем сильнее сжимался узел в груди – словно вместе с этим следом я выносил из колокольни чью-то тайну. На улице дождь почти утих, воздух был влажный, свежий, с горьковатым запахом мокрого камня. Я едва успел вдохнуть полной грудью, как у ворот церкви увидел знакомую фигуру – высокий мужчина в тёмной мантии, с золотым крестом на груди. Епископ.

Он шёл навстречу неторопливо, опираясь на посох, и взгляд его был тяжёл, будто он уже знал всё, что происходило. Мы встретились на середине двора.

– Святой отец Вейл, – произнёс он низким, спокойным голосом. – Завтра состоятся похороны леди Шейлы. Проведете службу и отпевание?

Я склонил голову в знак уважения.

– Конечно, – ответил я. – Я сам шел к вам с этой просьбой..

Епископ задержал на мне долгий взгляд, будто пытался прочитать мои мысли. На миг мне показалось, что он знает о моих поисках, о следах и о булавке, что сейчас лежала у меня в кармане. Но он ничего не сказал – лишь благословил меня крестным знамением и прошёл мимо к дверям церкви.

Я остался стоять на мокрых плитах двора, ощущая, как капли дождя медленно стекают по лицу. Завтра будет похоронена леди Шейла. И, надеюсь, мне удастся увидеть ее душу.

Вечером я снова оказался в том самом пабе, где табачный дым всё ещё стоял под потолком густым, почти осязаемым слоем. Масляные лампы едва пробивались сквозь туманную завесу, и свет их был мутным, жёлтым, будто сульфуровым. В углу кто-то брэнчал на расстроенной скрипке, а за стойкой толстый хозяин протирал кружки так лениво, словно это был бесконечный ритуал, и всё вокруг существовало лишь для его повторения.

Освальд уже ждал меня. Он сидел за небольшим круглым столом, отодвинув кожаный портфель к стене и снимая перчатки с длинных тонких пальцев. Его светлые волосы, вы-

бывшиеся из-под цилиндра, торчали в разные стороны, как у человека, который всю жизнь спорит с ветром и почти всегда проигрывает.

– Ну что ж, дорогой друг Эд, – сказал он, когда я опустился на скрипучий стул напротив. Его глаза блеснули в полумраке. – Нашли ли вы сегодня что-нибудь, что стоит нашего внимания?

Он наклонился чуть ближе, и в этом движении было одновременно нетерпение и азарт охотника, чья добыча уже близка. Я достал из внутреннего кармана блокнот, положил его на стол и слегка прижал ладонью, словно хотел придать находке вес.

Он озадаченно глянул на меня, словно уже собирался озвучить новую остроумную шутку. Я чуть придвинул блокнот ближе к Освальду, открыл его на нужной странице и развернул так, чтобы он мог видеть. На сероватой бумаге чётко проступал контур отпечатка подошвы – грубая, но тяжёлая работа.

– Сегодня я поднялся в колокольню, – начал я спокойно, но голос всё равно дрогнул от воспоминаний. – И нашёл это. Чужие следы. Туда нельзя попасть просто так: дверь всегда заперта, ключи – лишь у горстки людей. А всё же кто-то был там до или после бедной леди Шейлы.

Я постучал пальцем по рисунку, словно подчеркивал сказанное.

– Но вот что странно, грядь была достаточно свежей, а

значит там был кто-то после ее убийства.

Освальд склонился над рисунком, глаза его засияли холодным интересом, он провёл рукой по подбородку и коротко хмыкнул.

– Любопытно... весьма любопытно, – пробормотал он.

Я закрыл блокнот и спрятал обратно в карман сутаны.

– Завтра будут похороны, – продолжил я. – Отпевание пройдёт в церкви, и епископ лично намерен присутствовать. Я хотел бы, чтобы вы тоже пришли, доктор. В толпе можно заметить больше, чем на пустой улице. Иногда убийца сам не удерживается от соблазна взглянуть на своё творение в последний раз.

Я посмотрел на Освальда в упор, и наши взгляды встретились поверх мутного янтарного эля.

– Что скажете, доктор Освальд? Составите мне компанию у алтаря? Ах, точно! Есть еще кое-что.

Я достал из-под складок плаща золотую булаву. Металл был тёмный, шероховатый, кое-где я заметил тёмные пятна, слишком свежие, чтобы быть простым налётом времени.

– Вот ещё одна находка, – сказал я, понизив голос. – Сомневаюсь, что подобное просто так оказалось в храме.

Освальд вытянул шею, его глаза загорелись. Он протянул руки, и я позволил ему рассмотреть находку ближе.

– Хм... любопытно, – пробормотал он, проводя пальцем по сколу на металле.

– Видите? Это не пыль и не ржавчина. Возможно, следы

органического происхождения.

Доктор аккуратно завернул булаву в платок и положил к себе на колени, словно бережённый трофей.

– Возьму её к себе, – произнёс он с лёгкой улыбкой. – Попробую сделать несколько тестов. Может, мне удастся определить, чья кровь здесь оставлена.

Я кивнул.

– Берегите находку, друг мой. Это может стать ключом к пониманию того, что произошло в колокольне.

Он усмехнулся, подхватил свой портфель и аккуратно спрятал в него свёрток.

– Завтра на похоронах я буду рядом, – добавил Освальд. – А пока что займусь этой прелестной железякой. Кто знает, какие тайны она хранит?

Мы обменялись взглядами – в них было больше мрачного согласия, чем радости. Людей в зале почти не было – только парочка рабочих, да старый хозяин, скучаяще протиравший кружки за стойкой.

Освальд поставил на стол свой портфель, достал из внутреннего кармана аккуратно сложенные бумаги и, развернув одну из них, постучал пальцем по строчке.

– Теперь моя очередь делится новостями. Я говорил с патологоанатомом, – начал он негромко, наклоняясь ближе. – Человек надёжный, не из тех, кто станет болтать. Так вот... официального заключения вы пока не увидите, но он рассказал мне кое-что интересное.

Я почувствовал, как у меня сжалось горло, и жестом предложил ему продолжать.

– У леди Шейлы... – Освальд задержал паузу, будто смакуя эффект, – не оказалось сердца. Совсем.

Я непроизвольно перекрестился.

– Вы хотите сказать... его вынули?

– Вот именно. Но в этом-то и загвоздка, – он постучал костяшкой пальцев по столешнице. – Никаких следов хирургического вмешательства. Ни шва, ни аккуратного разреза. Грудная клетка словно закрыта, как и была. А органа – нет.

Я ощутил, как холодный пот выступил у висков. Воспоминания о странных ранах на теле Шейлы, теперь все складывалось в ещё более чудовищную картину.

– Это невозможно, – прошептал я.

Освальд криво усмехнулся.

– Возможно, если мы имеем дело не с человеком, а с чем-то другим.

Он отпил из кружки эля, глаза его сверкнули, как у человека, встретившего наконец загадку всей своей жизни.

– Но как бы то ни было, – продолжил доктор, – теперь у нас есть уверенность: леди Шейла не могла покончить с собой. Кто-то или что-то убило ее, а после забрало сердце, но может и в обратном порядке, я не уверен.

Я тихо открыл дверь на кухню, стараясь не скрипнуть пет-

лями. Воздух там был густой от запахов: тушёное мясо, пряности, свежий хлеб – всё это смешивалось в тёплом облаке, резко отличавшемся от холодных коридоров моего нового дома.

Кухарка, крепкая женщина с красноватыми руками, занятыми тестом, вздрогнула и едва не выронила деревянную ложку, когда заметила меня в дверях.

– Лорд Вейн! – воскликнула она, слишком громко, словно опасаясь, что за ней подслушивают. – Я... я не ожидала вас здесь увидеть.

Я слегка улыбнулся и поднял ладонь, стараясь выглядеть как можно мягче.

– Простите, мисс, не хотел напугать, – сказал я. – Просто запахи ваши донеслись даже в мой кабинет, и я подумал, что грех будет пройти мимо.

Она неловко поклонилась, всё ещё пряча взгляд.

– Ужин будет готов к седьми, как всегда, сэр.

Я шагнул ближе, остановившись у стола. На нём лежал нож, рядом клочок петрушки и большая миска с мясом. Всё выглядело привычно и мирно – и потому особенно чуждо после рассказов Освальда.

– Я знаю, – продолжил я мягко. – Но я пришёл не за едой. Видите ли, я ещё плохо знаком с этим домом... и с людьми, которые в нём живут. А ведь дом держится не только на камне и дереве, но и на тех, кто в нём трудится.

Кухарка наконец подняла на меня глаза. В них читалось

сомнение, но вместе с ним – осторожный интерес.

– Хотите... поговорить? – спросила она тихо.

Я кивнул и придвинул стул.

– Да. Расскажите мне о доме, о прежнем хозяине. О том, что вы сами видели и слышали. Иногда мелочи, на которые мы не обращаем внимания, могут оказаться важнее всего.

Она сжала руки в фартуке и помедлила, а потом вздохнула и всё-таки села напротив.

– Для начала скажите, как вас зовут?

– Мэри, сэр, – ответила она тихо.

Я кивнул.

– Хорошо, Мэри. И ещё одно: называйте меня не «святой отец», а Эдмунд. Так мне будет ближе.

Я поудобнее устроился на стуле напротив неё, сложив руки на коленях, и ждал, пока она наберётся смелости заговорить. В кухне потрескивал огонь в очаге, а за маленьким окошком уже сгущались сумерки.

Мэри всё ещё теребила фартук, но наконец произнесла:

– Знаете, отец... нет, сэр Эдмунд, нам с вами пока не доводилось много говорить. Но, если честно, мы... мы страшно боялись, кто придёт на место прежнего святого отца.

Я приподнял бровь.

– Почему?

Она опустила глаза.

– Тот, что был до вас... человек суровый. Да что там суровый – жестокий. Груб, всегда чем-то недоволен. Денег лишал

часто – порой без объяснений. А нам ведь жить на что-то надо... у меня дети. Их нужно кормить, обувать, а с прошлым хозяином каждую монету приходилось вырывать из судьбы.

Я невольно подался вперёд.

– У вас есть дети?

Она кивнула и впервые улыбнулась – устало, но искренне.

– Да. Двое. Старший – мальчонка, девять лет. Смышлёный, вечно вопросы задаёт. Младшей – всего пять. Она, знаете ли, любит петь. Всё утро может напевать, пока я хлеб замешиваю. А потом смеётся, будто само солнце постучалось в двери.

Я почувствовал, как что-то тяжёлое сжало мне сердце. Дети – свет, а здесь, в этих мрачных стенах, его катастрофически не хватало.

– Прошлый хозяин... – тихо сказал я, – явно не должен был быть святым отцом. Человек, что лишает хлеба тех, кто служит дому, не может служить Господу.

Я выдержал паузу, позволив её словам осесть в воздухе, и добавил:

– С будущего месяца я увеличу жалованье всем, кто служит здесь. Так, как и должно быть. Не обещаю чудес, но обещаю справедливость.

Она широко раскрыла глаза, будто не верила своим ушам. Потом быстро перекрестилась и прошептала:

– Да хранит вас Господь, отец...

Я лишь слегка кивнул, стараясь скрыть дрогнувшую улыбку.

ку. Мне впервые показалось, что стены этого дома стали чуть теплее. Затем тихо произнёс:

– Извините, что отнял у вас время.

Мэри лишь улыбнулась, тепло и по-доброму, без слов.

– Благодарю вас, сэр Эдмунд... за тёплое отношение, – пробормотала она, чуть наклонившись.

Я уже направлялся к двери, но вдруг добавил:

– И ещё одно: если вашим детям не с кем будет остаться, пусть они приходят вместе с вами. Здесь им будет весело, и вы сможете спокойно готовить – я позабочусь, чтобы они были под присмотром.

Её глаза заблестели, и она едва сдерживала слезы. Словно маленький свет озарил всю её усталость.

– О, сэр Эдмунд... – начала она, чуть кланяясь. – Это будет прекрасно! Завтра же приведу их и познакомлю с вами.

Я кивнул, ощущая, как необычное тепло разливается внутри. В доме, где царила строгость и порядок, впервые возникло чувство, что можно жить иначе – с заботой и уважением. Мэри ещё раз поклонилась, а я, уже выходя из кухни, почувствовал лёгкость, которую давала не только вера, но и простая человеческая доброта.

Я поднялся с кровати, чувствуя, как утренний холод проникает сквозь стены. В доме почти никого не было – прислуга ещё не успела прийти, и тихая пустота казалась почти

осязаемой.

Быстро одевшись, я проверил воротничок сутаны и надел пальто, накинув сверху плащ. Цилиндр на голову и шагнул к двери. Улицы встречали меня сырой дымкой и редким светом, пробивавшимся сквозь низкие облака.

Мысли о леди Шейле не отпускали: гроб уже должен был стоять в церкви. Я ускорил шаг, чувствуя, как город медленно просыпается, а жители, сквозь туман и дождь, спешат по своим делам. Каждый шаг отдавался в голове глухим эхом – сегодня она будет предана земле, а вместе с этим начнётся цепь событий, которую мне предстояло распутать.

Подойдя к площади у церкви, я заметил первых людей: полицейские, несколько прислуги и священнослужителей, готовых к отпеванию. Гроб ещё не успели занести внутрь, и тишина перед церемонией была словно глухой удар колокола – момент ожидания, когда всё кажется застылым и неотвратимым.

Я сделал глубокий вдох и шагнул к церковному порогу, готовый встретить день, который обещал быть тяжёлым и непростым.

Спустя двадцать минут, гроб стоял у алтаря. Я осторожно приблизился к нему. Леди Шейла лежала в нём так, будто вот-вот должна была открыть глаза: лицо было идеально загримировано, кожа казалась нежной и светлой, а макияж и причёска подчеркивали её аристократическое изящество. Шёлковое платье ложилось складками, отражая слабый свет

витражей, и казалось, что она вот-вот вдохнёт этот прохладный утренний воздух.

Я слегка коснулся её руки, осторожно, почти боясь потревожить покой, и тихо прошептал молитву на древнем языке. Слова были знакомы лишь мне, и каждая фраза отдавала тихим эхом по каменным стенам.

И вдруг... рядом с гробом, как будто родившись из самой тьмы и света одновременно, появился призрак леди Шейлы. Она была полупрозрачна, но глаза её сияли живым, настороженным светом. Лёгкий холод окутал воздух вокруг, и сердце моё сжалось от странного, почти болезненного ощущения присутствия чего-то между миром живых и миром мёртвых. Ее взгляд встретился с моим.

Я осторожно спросил:

– Кто убил вас леди? И как вы оказались в колокольне?

Её руки слегка дрогнули, едва заметно, и губы прошептали:

– Я... не видела его лица... Оно... было сокрыто странной маской... – голос едва различался, но дрожал и тянулся, как ветер через пустой зал. – Он сказал... что моя жертва принесёт мир в этот город...

Я пытался уловить детали, но призрак лишь покачал головой, прозрачные волосы колыхались без звука:

– Как я оказалась в колокольне... не могу вспомнить...

Тонкий холод витал вокруг меня, смешиваясь с запахом воска и ладана. Внутри меня всё сжималось: тайна маски,

её невольная жертва, ощущение присутствия того, кто умел действовать скрытно и безжалостно. Каждый отблеск свечи на её лице, каждый изгиб платья казались важным знаком, но истина скрывалась в полутоне, в паузах между шёпотами.

Я внимательно оглядел присутствующих, стараясь уловить малейшие признаки тревоги или скрытой вины. Поролоны проходили по всем церемониальным традициям – ровный хор, чинное расставление свечей, поклоны, приглушённые шёпоты прихожан. Казалось, никто не выглядел слишком подозрительно: лица были спокойными, руки сложены аккуратно, взгляды почти все устремлены на гроб.

Но внутри меня что-то подсказывало: истинная угроза скрыта не в открытых действиях, а в том, что прячется за маской внешнего порядка. Лёгкий холод пробежал по спине, когда я подумал о словах призрака – о маске и о том, что её убийца сказал насчёт «мира для города». Каждое движение, каждое чуть заметное смещение одежды или взгляда могло быть ключом.

Когда последние слова отпевания стихли, а гроб леди Шейлы был плотно заколочен, я почувствовал, как воздух вокруг словно стал легче. Лёгкое дрожание, едва заметное, обвило гроб, и призрак леди Шейлы постепенно растворился в воздухе, как туман под утренним солнцем. Её душа, наконец, обрела покой у Бога, и в этом мгновении тревога, что держала меня последние дни, немного отпустила.

Носильщики осторожно подняли гроб, и я следил за каж-

дым их шагом, пока они не вынесли его за двери церкви. Свет дня казался немного ярче, воздух – теплее, а стены храма – тихими свидетелями завершившейся миссии. На этом наша роль в судьбе леди Шейлы была окончена: теперь её путь лежал дальше, и долг церкви, священника и всех причастных был выполнен.

Глава 3. След тайного общества

Паб в это время дня был на удивление тихим. Лишь редкие посетители сидели по углам, кто с кружкой эля, кто с газетой. Я устроился за нашим привычным столом у окна, и почти сразу к нему подошёл Освальд. Он был всё так же небрежно одет – серый костюм словно специально выбирал пыль и складки, цилиндр держался на честном слове, а светлые волосы торчали, будто он только что вышел из бури. В руках его был неизменный портфель, обтёртый, но явно тяжёлый.

– Ну, святой отец, – усмехнулся он, садясь напротив, – похоже, наша покойница всё ещё держит вас в мыслях.

Я слегка кивнул и сделал вид, что рассматриваю меню, хотя мысли мои были далеко не о еде.

– Я видел её дух, Освальд, – сказал я тихо, так, чтобы никто вокруг не услышал. – На отпевании. Она пришла ко мне.

Доктор замер, его губы сжались в тонкую линию, и на миг он стал серьёзен, как никогда.

– И что же сказала покойная? – его голос был низким, почти шёпот.

Я подался вперёд, локти упёрлись в столешницу.

– Она не видела лица убийцы. Он был в маске. Но он произнёс странные слова – что её жертва принесёт мир этому городу.

Освальд задумчиво откинулся на спинку стула, достал из кармана очки с круглыми линзами и надел их, хотя света в пабе было предостаточно.

– Мир через смерть, – пробормотал он. – Это звучит скорее как культ, чем как дело одного безумца.

Мы сделали заказ, и пока трактирщик уносил кружки к соседнему столику, я чувствовал, как слова Освальда оседают в голове тяжёлым грузом.

– Есть ещё кое-что, – сказал я. – Я показал ей последний путь, и после того, как гроб заколотили, её дух исчез. Она обрела покой. Но эта маска... и слова... не дают мне покоя.

Освальд кивнул, постукивая пальцами по портфелю.

– Я тоже кое-что узнал, – сказал он. – Касаемо булавы, что вы мне дали, она может принадлежать сразу нескольким джентльменам.

Я сделал глоток эля, прислушиваясь к тому, как скрипит под ногами деревянный пол, и наконец спросил:

– Освальд... я всё никак не осмеливался спросить раньше. Но твои глаза... то, как ты смотришь на вещи, которых другие не видят. Откуда у тебя этот дар?

Доктор усмехнулся, но на этот раз без своей привычной ехидцы. Он снял очки, положил их рядом с кружкой и какое-то время молчал, будто взвешивая слова.

– Дар, говорите вы, святой отец, – тихо произнёс он, уставившись куда-то в тёмный угол зала. – Я бы скорее назвал это проклятием.

Я не перебивал, позволив ему говорить.

– Мне было всего пятнадцать, – начал он. – Отец умер от лихорадки, мать осталась одна, и мы жили впроголодь. Я бегал по кладбищу, чтобы подрабатывать: носил воду, чистил плиты, чинил ограды. А потом... в одну из ночей я увидел её. Девочку. Она сидела на плите и плакала. Только вот она уже три дня как была мертва.

Его голос задрожал на последнем слове, но взгляд оставался холодным и отстранённым.

– Сначала я подумал, что лишился рассудка, – продолжал он. – Но она говорила со мной, просила передать слова матери. Я сделал это. Мать её, бледная как мел, только кивнула... и больше никогда не взглянула на меня. Думаю, боялась. С того дня я стал видеть их всех – тех, кто остался по ту сторону.

Он поднял глаза и посмотрел на меня, и в этом взгляде было что-то тяжёлое, давящее, но и до странности честное.

– Вы называете это даром, Эдмунд. Но поверьте, жить с этим значит всегда ходить по грани. Одно неверное движение – и тебя сочтут безумцем.

Я перекрестился и наклонил голову.

– Но, Освальд, именно этот дар привёл вас ко мне. И, возможно, именно он поможет нам найти того, кто совершил такое убийство.

Доктор хмыкнул и вновь надел очки.

– Быть может. Но если за этим стоит культ, если они дей-

ствительно верят в жертвы ради "мира", то, святой отец, боюсь, что дела наши плохи.

Мы доели свой скромный обед в тишине – каждый думал о своём. В пабе становилось люднее: запах тушёного мяса и хлеба смешивался с табачным дымом, над столами гулко звенели голоса. Я расплатился и поднялся вслед за Освальдом.

Мы вышли на улицу, и дневной свет после полутьмы заведения показался слишком резким. Ветер с реки нёс запах сырости. Доктор накинул на плечи плащ и резко свистнул – повозка, проезжавшая мимо, тут же остановилась.

– Вам к церкви, Эдмунд, верно? – спросил он, оборачиваясь ко мне.

– Разумеется, – ответил я, поправив сутану.

Он склонил голову чуть на бок, словно что-то обдумывал, и добавил тихо:

– Прошу, доберитесь туда без происшествий. Мне нужно пройтись. Голова яснее думает, когда ноги чувствуют камень мостовой.

Я хотел было возразить, но Освальд уже отворил дверцу повозки и жестом пригласил меня сесть. Его блондинистые волосы, всегда растрёпанные, трепал ветер, и в этом было что-то почти упрямое, будто бы он сам бросал вызов миру.

Я сел в повозку. Колёса скрипнули, и лошадь медленно потянула её вперёд. Через окно я обернулся – доктор стоял посреди улицы, держа свой потертый портфель, и уже свора-

чивал в боковой переулочек, чтобы идти пешком.

"Странный человек", – подумал я. Но сердце подсказывало, что именно с ним связаны мои дальнейшие шаги в этом запутанном деле.

Повозка неспешно катилась по булыжной мостовой. Я прислонился плечом к жёсткой деревянной стенке и невольно наблюдал за окнами домов. Когда мы подъехали к церкви, я попросил кучера остановить лошадь немного раньше ворот. Хотелось пройти несколько шагов самому – ощутить знакомую тяжесть каменных стен, услышать, как звон в колоколе гулко отзывается в сердце.

У входа меня встретила непривычная тишина. Обычно в это время уже звучали голоса прихожан или шаги прислуги, но сегодня всё казалось вымершим. Ветер чуть скрипнул кованой решёткой ворот.

Я сделал несколько шагов к двери и только тогда заметил его. На скамье у ограды сидел человек в тёмном плаще, нагнув капюшон низко на лицо. Он держал в руках книгу – или, может быть, просто делал вид.

Стоило мне приблизиться, как незнакомец чуть наклонил голову, будто прислушиваясь. Его руки были слишком неподвижны для обычного прохожего. Я остановился, чувствуя, как в груди нарастает осторожность. Секунда – и я понял: этот человек ждал не просто кого-то. Он ждал меня.

Я уже хотел пройти мимо, но мужчина поднялся со скамьи, расправил плащ и шагнул навстречу. Теперь я мог раз-

глядеть его лучше: высокий, худощавый, лицо бледное, будто выточенное из мрамора, а глаза – холодные, стального оттенка.

Он слегка поклонился, придерживая полы плаща.

– Прошу прощения, святой отец, – его голос звучал мягко, почти учтиво, но в нём сквозила какая-то сухая сдержанность. – Моё имя Генри Карстон. Я ювелир.

Он достал из кармана небольшую визитную карточку, пожелтевшую на краях, и протянул мне. На ней аккуратным шрифтом значилось: «Генри Карстон. Мастерская редких украшений. Ул. Хайвей, 47».

Я машинально принял карточку, ощущая на кончиках пальцев шероховатость бумаги, и вежливо кивнул.

– Ювелир, значит? – тихо повторил я. – Что привело вас к церкви в такой час?

Генри чуть улыбнулся, но улыбка эта была больше формальностью, чем настоящим выражением чувств.

– Любопытство, – ответил он. – Слухи ходят быстро. Говорят, новый священник прибыл в город в не самое спокойное время. Я подумал, будет полезно познакомиться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.